

Министерство культуры Донецкой Народной Республики
Государственное учреждение культуры
«Донецкая республиканская универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Это наша с тобою земля, это наша с тобой биография:

к 75-летию со дня освобождения Донбасса, Саур-Могилы

Сборник

Донецк 2018

Это наша с тобою земля, это наша с тобой биография: к 75-летию со дня освобождения Донбасса, Саур-Могилы : сборник лучших произведений участников конкурса «Это наша с тобою земля, это наша с тобой биография» / М-во культуры Донецкой Народной Республики, ГУК «Донец. респ. универс. науч. б-ка им. Н.К. Крупской»; сост. И.А. Пилипенко; отв. за выпуск И.А. Горбатов. – Донецк, 2018. – 93 с.

В сборник вошли лучшие произведения участников конкурса «Это наша с тобою земля, это наша с тобой биография», организованного Донецкой республиканской универсальной научной библиотекой им. Н.К. Крупской.

Конкурс «Это наша с тобою земля, это наша с тобой биография» посвящен 75-летию со дня освобождения Донбасса, Саур-Могилы и с целью сохранения исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны в Донбассе, героическом подвиге земляков, воинов-освободителей, тружеников тыла. Конкурс проводился по двум номинациям: «Поэзия» и «Проза».

Сборник «Это наша с тобою земля, это наша с тобой биография» адресован широкому кругу читателей.

Составитель: И.А. Пилипенко

Редактор: О.А. Пинзон

Научный редактор: О.В. Потапова

Ответственный за выпуск: И.А. Горбатов

*Материалы, присланные на конкурс,
отображены с сохранением содержания и
стилистики текстов, представленных авторами*

ПОЭЗИЯ

Елена Адинцова

ОСВОБОДИТЕЛЯМ ДОНБАССА (БЫЛЬ)

Только если по праздникам,
За семейным столом,
Дед, приняв свою чарочку,
Заводил разговор.
Был он жизнью поученный,
Истоптал сто дорог,
Воевал, трижды раненый –
Для меня он герой.
Только, дед все в отказники,
Мол, какие дела, был «как все», –
«Эх, проказники,
Поглядите сюда».
Фотокарточки старые
Достает из угла,
Узловатыми пальцами
Расправляет края.
«Посмотрите, вот видите,
Боевые друзья,
Молодые да brave,
На груди ордена.
Вот герои сердешные,
Не такие как я,
Ими должно гордиться
И хранить имена...
Друг Семен мой, с гражданской
Не снимал сапоги,
Это я фигурально,
Он прошел три войны.
Здесь вот, братья Петровы,
Глянь, какие орлы,
Оба пали при штурме,
Сто восьмой высоты.
Ну, а это «Батяня»,

Наш геройский комбат,
С ним, тогда, в сорок пятом,
Строем шли на парад.
Погляди, вот Василий,
Не мужик, а кремень,
Помню я в сорок третьем
Украинский плетень.
А за ним, как белуга,
Баба громко ревет:
«Что случилось, подруга?»
Окружил ее взвод.
А она, утирая,
Рукавами глаза:
«От обстрелов сдурела
Корова моя.
Убежала в зеленку,
А там горе-беда,
Все усеяно минами,
Вот такие дела.
У меня ведь, солдаты,
Пять погодков детей,
Муж погиб в сорок первом,
Как мы будем теперь?!»
«Не горюй», – и Василий,
Сбросив наземь шинель,
За коровой сбежавшей,
Юркнул быстро, что тень.
Мы стояли, как камни,
И боялись вздохнуть,
Разве мало на фронте,
Доставалось нам пуль».
Дед замолк и устало
Опустил вниз глаза.
«Ну, а что было дальше,
Доскажи до конца!»
Дед чуть-чуть улыбнулся,
В кулак сжалась рука.
«Никогда я вкуснее,
Не пивал молока»!

ЗЕМНОЙ ПОКЛОН!

*Нашим Славным Отцам и Дедам
Посвящается!*

Болью вечною – похоронка матери...
 Неизбывна тоска вдовы...
Как мучительны стоны раненых...
 Как ужасны войны костры...
Погребальным саваном в памяти –
 Дым пожарищ, разрухи дни...
Сколько горя в аду познали Вы?

 Сколько Ненависти к врагу!!!
Сохранив лишь на дне сознания
 Веру в Правду и Свет Любви,
Сберегли Вы Детей и Родину!!!
 Мир от страшной «чумы» Спасли!!!

Николай Антипов

ОПЯТЬ В НАШИ ОКНА БЕДА ПОСТУЧАЛА

Помню я той войны грозовые раскаты,
Как в подвалах скрывались от вражеских глаз,
Как в жестоких боях умирали солдаты,
От врага защищая любимый Донбасс.

И теперь я всегда прихожу к Обелискам
И со скорбью читаю на них имена –
Сколько жизней людских в этих траурных списках
Навсегда зачеркнула лихая война.

Расцветают над ними густые рябины,
Прикасясь ветвями могильных оград.
И не знают они – сколько их на чужбине
Похоронено наших героев солдат.

И порой нет о них: ни имён, ни прописки,
Где они родились, и в какой стороне.
Лишь как тени немые стоят Обелиски,
Чтобы помнили мы о той страшной войне.

И опять в наши окна беда постучала
Чёрным вороном кружит у наших дверей.
Разве ей в ту лихую войну было мало
Людской крови, разрух, горьких слёз и смертей.

И опять, как тогда слышен гром канонады,
И пылают в огне города и поля,
И окутан Донбасс весь ремнями блокады,
И от взрывов дрожит под ногами земля.

Там нацисты на площади в Киеве скачут,
Гибнут наши солдаты в донецких боях.
И опять, как тогда, наши матери плачут,
О погибших в атаках своих сыновьях.

И опять, как тогда, по разрывам фугасов,
И от страшного гула летящих ракет,
Что такое война знают дети Донбасса,
И в холодных подвалах встречают рассвет.

И пусть пламя войны ещё кружит над нами,
И рассветы рождаются в огненной мгле.
Но я верю, что будет победа за нами,
И врагу не гулять по донецкой земле.

Ведь наш сильный народ городов и селений
Не сломила война ни тогда, ни сейчас.
Не поставит врагу никогда на колени
Непокорённый, наш гордый и славный Донбасс.

Любовь Белоус

Путь к миру, где лежит его начало?
От колыбели, где мама нас качала?

От похоронки, что пришла тогда от деда,
Жизнь положившего за светлую победу?
От книжек, из которых мы узнали,
Какую страшную войну мы не застали...

У каждого из нас свое начало,
Но в каждый дом война та постучала,
И похоронку, получая мать,
Все также продолжала ждать.
Растила его маленьких детей –
Наших отцов – отцов и матерей,
Чтоб жизнь не прерываясь дальше шла,
Чтоб победила жизнь, а не война.

И в каждом доме бережно хранят
Ту память, что осталась от солдат,
Сложивших голову на страшной той войне:
Медали, фотографии, кисет...
А те, кому чуть больше повезло
Отца дожидаться, пусть даже без ног,
Хранят его опору – костыли.
Такою трудною дорогой к миру шли...

Хватило сил поднять Донбасс с руин,
Трудились от зари и до зари.
Но вот теперь нацист – фашисту брат
Осмелился опять войну начать,
Но внуки-правнуки героев той войны
Не посрамят дедовской седины.
И мир вернут, продолжив славу поколений.
Донбасс еще никто не ставил на колени
И никому поставить не дадим!

Валентина Белоусова

ПАМЯТЬ О ТОЙ ВОЙНЕ...

Память о той войне
Время стереть не в силах...

И в каждой нашей весне
Те, кто в братских могилах.

Их имена незабвенные,
На памятниках и обелисках.
И до сих пор в наших веснах
Их алая кровь струится...

Наша святыня и гордость,
Бессмертный пример на века!
О них среди высоких гимнов
И моя простая строка...

По минным полям сквозь руины,
В жестких кровавых боях –
Они дошли до Берлина.
И там водрузили флаг!

И подвигом тем вдохновленное,
В суровое наше время,
Встало за честь Донбасса
Новое поколение...

Юнцы и прадеды на марше рядом,
И строй тот крепок, словно монолит.
Врагу навстречу грудью встанут, если надо,
Отступит он! Повержен будет и разбит!

И мы живем под мирным небом синим,
Растим и пестуем своих богатырей...
Ведь нет еще такой на свете силы,
Чтоб властвовать могла над Родиной моей!

Анна Богатырёва

СПАСИБО ЗА ПОБЕДУ, ВЕТЕРАН!

Он шел по бульвару походкой уставшей,
Охапку гвоздичек сжимая в руке.

Седой ветеран поклониться шел павшим,
Но словно «поплыл» обелиск вдалеке.
Кольнуло в груди, он присел на скамейку.
Вздыхнул глубоко, затуманился взгляд...
И стал ветеран снова юным Андрейком –
Как будто умчался на годы назад.
Военный Донбасс так суров и тревожен
(Он болью истерзан, но духом силен).
Здесь каждый миг был на другой непохожим,
Мечтою о мире он был окрылен.
В боях за Донбасс polegло друзей много,
Но brave Андрей не привык отступать.
Победу как все приближал понемногу,
С фашисткой ордой продолжал воевать.
У памяти срока нет давности, знайте!
Почти не осталось солдат той войны.
И взгляд их кричит: «Подвиг не забывайте!»,
Порой беззащитней ребенка они...
Седой ветеран сам с собой вел беседу,
Вдруг рыжий мальчишка к нему подбежал.
«Спасибо, дедуля, тебе за победу!» –
И взгляд ветерана слезой засиял.
Он встал во весь рост, зазвенели медали
И путь к обелиску стал легче, чем был...
Ах, если бы чаще мы все вспоминали
О тех, кто победу с боями добыл!

Наталья Вингливскт

СМОТРИ, СЫНОК...

Событиям 1943 года посвящается

I

Степное солнце жжёт издалека,
Ковыль к земле усталой жмётся нежно.
И с каждым дуновеньем ветерка
Полыни запах по степи безбрежной.
Приникли травы ропотно к земле,
Выпрашивая хоть немного влаги...

Лишь голосистым звоном вдалеке
Журчит родник в затерянном овраге.
Здесь птицы переливчато поют,
Крикливую не собирают стаю;
В зелёной рощице нашли приют,
ЕГО покой они оберегают.
А ОН стоит. Под ним степной курган.
Застыло время: здесь земля святая.
Открытый самым яростным ветрам,
Стоит солдат, покой наш охраняя.
Стоит на страже, словно часовой,
Над ним давно уже не властны годы.
Оберегая наш с тобой покой,
ОН на посту в любую непогоду.
В руке сжимая твёрдо автомат,
ОН с высоты осматривает дали.
Простой советский парень ОН, солдат,
И даже имени ему не дали...

II

Теперь пришла сюда я не одна.
Пора тебе, сынок, узнать об этом,
Что здесь вокруг священная земля,
Дороже нет для нас её на свете.
Стоит Солдат. Ты голову склони
И возложи к ногам ЕГО тюльпаны,
А в памяти навечно сохрани
Вот этот миг, когда ОН вместе с нами...
Легендами воспет седой курган,
Название ему Саур-Могила.
Его узнает каждый ветеран,
В нём наша гордость, наша слава, сила.
Ты с высоты, сыночек, посмотри
На эту степь, поля и терриконы.
Всё это часть твоей родной земли,
Твой отчий край, Донбасс непокорённый.

III

А в сорок третьем полыхал Донбасс...
Курган горел в огне, изнемогая.
Кто это видел в своей жизни раз,

Тот не забудет никогда, я знаю.
Снаряды землю яростно секли,
Но разве было время для печали?
Ведь каждый метр тогда родной земли
Солдаты своей кровью возвращали!
А здесь, на этой самой высоте,
Фашисты свой форпост установили.
Не на своей, а на чужой земле
Они своё господство объявили.
«Взять высоту!» – был дан тогда приказ,
И смело шли солдаты снова в бой.
Их, как траву, косило всякий раз,
Но шли атаки яростной волной.
Земля горела, и пылал ковыль,
Свинцовый дождь накрыл поля сухие.
Орудий гул без остановки выл,
Но поднимались снова все живые.
«Взять высоту! За Родину! Вперёд!»
Атака, бой, тела и снова взрывы,
Но в бой опять наш батальон идёт
На высоту все, кто остались живы.
Бойцы-разведчики, семнадцать их,
Прорвались ночью на вершину с боем.
Сражались насмерть, каждый за троих,
Никто из них не думал стать героем...
И водрузили знамя на ветру –
Кровавую нательную рубашку.
И стало ясно нашему врагу:
Мы победим, как не было бы тяжело...

IV

Стоит солдат – защитник и герой,
Саур-Могилы – гордость для народа.
Чтоб благодарны были мы с тобой,
Чтоб дорожили мы своей свободой.
Чтобы любили также свой Донбасс,
Чтобы врагу ни в чём не уступали.
Напоминая для живых, для нас,
О тех, которые навеки пали...
Я верю, что когда-то ты придёшь,

Держа в своей руке ладошку сына,
Цветы солдату снова принесёшь,
Расскажешь сыну о Саур-Могиле.

Виктор Воропаев

ВСТРЕЧАЙ МЕНЯ, ДОНБАСС!

Встречай меня, Донбасс, слезами и цветами.
Я возвращаюсь вновь в объятия твои.
Встречай меня, родной, с открытыми глазами,
К твоим ногам бросаю победы все свои.

Вернулся я с щитом, уставший, но счастливый,
Я сохранил в боях и землю, и любовь.
И защитил наш род старинный и былинный,
Себя я не щадил и плоть свою, и кровь.

Встречай меня, Донбасс, туманной дымкой белой
И не стели мне красных дорожек и ковров.
Встречай меня святой молитвой православной.
Я выполнил заветы и дедов, и отцов.

Я возвратился с флагом, что подымал в атаках,
На нем следы боев и от кровавых ран.
Не раз я умирал и в ковылях, и в маках
Мой друг, склонив колени, читал святой Коран.

Я знаю, Бог един, он слышит все молитвы.
Кто в истине живет, тот будет прав всегда.
Встречай меня, Донбасс, слезами и цветами.
Я возвращаюсь вновь, надеюсь навсегда!

Елена Гаврилястая

А НА РАССВЕТЕ СНОВА В БОЙ...

...А на рассвете снова в бой...
И снова все на волю Бога:

Кому вернуться в дом родной,
А чья прервется здесь дорога?
И снова, вместо пенья птиц,
Пуль свист услышат на рассвете.
И серый цвет суровых лиц
Окрашен будет красным цветом –
В цвет крови, что течет из ран,
Под стоны и под хрип предсмертный...
Кровавый ад их ждет с утра,
Ждет пекло с самого рассвета...
И снова в бой... За пядью – пядь,
За каждый метр земли Донбасса,
Вновь будет намертво стоять
Стеною воинское братство...
И снова мертвые живых
Своим от пуль укроют телом,
Храня собратьев боевых.
Вновь будет черным свет – не белым.
... У сердца весточки от близких,
В кармане – горсть земли родной,
На шее амулет солдатский...
А на рассвете снова в бой...

Татьяна Голикова

ТИШИНА

Тишина, тишина...
Только крик журавлей
В бесконечные дали уходит
Улетают так души погибших людей
В безвозвратную высь небосвода.

Тишина, тишина...
Отголоски войны
С неба синего шепчут о боли,
Об ушедших солдатах великой страны,
О бессмертных Донбасса героях.

СЫН ПОЛКА

Война с Наполеоном
В историю ушла.
Но все ж, прошу пардону,
Последствия дала.
В Европе побывали
С Урала казаки.
Парижем, потом, звали
Деревню, с их руки.
В ней стала речка – Сена,
Хоть был ручей Козин.
Вдали станица Вена.
За Веною – Берлин.
Пошли так на Урале
Деревни-города.
Хоть в шутку называли,
А вышло – навсегда.
Так вот, скажу, в Париже
Родился наш герой,
А жил он, к лесу ближе,
Опушка, дом второй.
Стараюсь, уточняю.
Найдется ведь Фома.
Пищу, что точно знаю.
А знаю я весьма.
Мне тетка говорила,
Что он пошёл в отца.
Отец казак Гаврила,
Красавец – пить с лица.
Другому бы гордиться,
Ничуть-то, не хотел.
Как красная девица
Стеснялся и краснел.
Зато в работе точно:
Примером был отец.
В мозгу засело прочно,

Что будет он – кузнец.
Возле отца учился.
Кузнечный мех – насест.
Там отдохнуть садился.
От гордости светился,
Что хлеб не зря он ест.
Ещё бы не гордиться,
Хвалил не раз отец:
Немного подучиться,
В семье – второй кузнец!
Пока Творец-создатель,
По жизни их спасал,
Какой-то злопыхатель,
Уже донос писал.
Вредитель, мол, Гаврила,
Лошадок подковал:
Стреножилась кобыла,
Жеребчик захромал.
Недолго разбирались.
Судили впопыхах.
Все стройки-то нуждались
В хороших кузнецах.
А строек было много:
Магнитка, Днепрогэс...
С работой тоже строго.
Был нужен хлеб и лес.
Когда отца забрали,
Мать вскоре умерла.
Детей в детдом отдали
Три брата: мал-мала.
Пошли-посеменили,
Как чуждый элемент.
Фамилию сменили
Им тот час же, в момент.
Хоть с прадеда и деда
По метрикам – Кисет.
Но по вине соседа –
Таких уж больше нет.
Всё ж имена остались.

Он – Виктор, как и был,
Но Реевы писались.
Так след «врага» простыл.
 Фамилии морские
 Давал всем зав. детдом.
 Он помнил дни лихие,
 Когда был моряком...
 Всё было мирно, тихо.
 Заботилась страна.
Росли они, вдруг лихо –
Пришла в страну война.
 Весть эта докатилась,
В закрытый спец. детдом.
 Вся масса возмутилась –
 Возник души подъём!
С запалом, с возмущеньем
 Герой наш выступал.
 И с благим намереньем
На фронт потом сбежал.
 Из атласа, по карте –
 На запад курс держал.
 Он в гневе и в азарте.
Всё путь свой продолжал.
 Его не раз снимали,
 И возвращали вспять.
Но все в детдоме знали,
 Что удерёт опять.
 Завидовали дети,
 Что шёл судьбе назло.
Лишь только в сорок третьем
 Ему вдруг повезло.
В Дебальцево* пехоту.
 На марше увидал.
 И в маршевую роту
 По случаю попал.
Везёт лишь тем на свете,
Кто дружит с головой.
А утром на рассвете,
 Уже начался бой.

Комбат с НП заметил,
Как знаменосец пал.
И вдруг в дыму, в просвете:
Юнец с ним побежал.
За ним поднялась рота:
«Ура! Даёшь! Вперёд!»
Не стало больше дзота.
Заглохнул пулемёт.
Фашистов истребили,
Кого забрали в плен.
Вместо села здесь были
Развалины от стен...
А вскоре, после боя,
Комбат юнца поймал.
И долго тряс героя,
Всё руку ему жал:
Медаль бы «За отвагу»,
Да, жаль, что нет пока.
Держи, мою вот, флягу!
Ты будешь – сын полка.
Вмиг форму подогнали –
Предстал в красе солдат.
Даже патронов дали,
«Судаев» автомат.
А дальше пошли будни:
Бомбёжки, артобстрел.
Пока герой при кухне,
День за днём потел.
В полку его любили,
Но строго как отцы.
В тылу во многих были
Такие ж сорванцы.
Нашлись повыше лица,
Заметив в нём талант,
Отправили учиться.
И вот он – лейтенант!..
Сначала был комвзвода.
Уж с ротой фрицев бил.
«Царица войск» – пехота!

«Царицу» – полюбил...
Декабрь сорок четвёртый:
Идёт за Буду*** бой.
И Реев, калач тёртый,
Ведёт всех за собой.
Теперь над батальоном
Команду принял он.
Прошло, когда бульоном
Солдат кормил пижон...
Смеяться-то негоже,
Что «батя» молодой.
Свои – дадут по роже,
Прям на передовой.
Бойцы за три недели,
Что смог руководить,
Узнали и, успели,
Его все полюбить.
Ходил с ними в атаку.
Не прячась за спиной.
Не редко лез он в драку,
Но с трезвой головой...
Когда траншею взяли
Встал на пути блиндаж.
Снаряды не попали.
Знать, брать на абордаж.
Вдруг взорвалась граната,
Осколок просвистел
Сквозь юного комбата,
Навылет пролетел...
Хоть рота всё ж дожала,
Смогла окопы взять.
В атаке потеряла
Героев двадцать пять.
В открытом снежном поле
Навечно полегли,
По чьей-то злобной воле,
Как маки зацвели...
Всё ж «батя» жив остался,
Но в госпиталь попал.

Хирург, как бог старался,
И на ноги поднял...
Всё дальше, дальше гнали
Фашистскую орду.
Громить не за медали,
Учились на ходу.
Но сколько ещё жизней
Бойцам пришлось отдать.
Чтобы родной Отчизне
От фрицев не страдать.
Война ведь упиралась –
Четыре года шла.
С боями возвращалась
Назад, отколь пришла.
Чтоб Марса успокоить,
Всё отдала страна.
Теперь надо отстроить,
Что рушила война...
Поставить обелиски,
Как память о боях,
Там где теряли близких:
В деревнях, городах...
В Париже поселяне,
Почти станицей всей,
Из русской старой бани,
Построили музей.
Собрали экспонаты
Ужасной той поры:
Гранаты, автоматы,
Лопатки, топоры.
Фугасные осколки,
«Максим» исправный есть.
Две «Мосина» винтовки –
Всего не перечесть.
Одна из гимнастеров
Со штопкой на груди.
Навылет шёл осколок –
Есть штопка – позади.
Я там же видел фото

С «Окопного листка»:
Рейхстаг, вторая рота.
А в центре – Сын полка.
Он в звании майора.
Награды на груди.
Затянут до упора.
И фляга впереди.
Чтоб видели, на фляге,
Шутливо написал:
«Доволен! Я в Рейхстаге!
В гробу его видал!»

PS: Встречает всех в музее
Крепыш, седой слегка,
Полковник Виктор Реев.
Тот самый – Сын полка.

**Дебальцево – город в Донбассе.*

***Буда – предместье Будапешта, столицы Венгрии.*

Анатолий Гравченко

ФРОНТОВАЯ БАЙКА

А вот и он – Иван Степаныч!
С седой бородкой весельчак,
Он к нам притопал очень рано,
Не спится старому никак.
Покоя нет от старой раны.
Он ранен был в бою одном,
Когда с пехотою в тумане
Степаныч брал аэродром.
Словоохотлив, ненавязчив,
Коленку трет слегка рука
И в это утро, как образчик,
Наш гость повел издалека...
О, жизнь! – Она такая штука,
Всему научит, оботрет,
А уж военная наука
До смерти с вами проживет...

Вот, помню – рыли мы окопы,
Светило солнышко едва,
А воздух пах борщом, укропом,
Так, что кружилась голова...
Кишки скрипят как голенища,
Ну, мы в совет между собой,
И, порешили – нам бы пищей
Заправиться, а там хоть в бой.
Решенье есть, а кто исполнит?
И, тут все сразу на меня,
Мол, у Степаныча сноровка...
Ну, словом, в путь. Тут два ремня
И гимнастерку, для обмена,
Успел я в узел завернуть.
Я б для себя – гнилого хрена,
А для друзей... Лежал мой путь
По пустырям, по бездорожью,
Добро, что у солдат сапог
Невероятно крепкой кожи...
Тут вижу, слева хуторок...
Река блестит за деревьями,
Колышет ветер камыши,
А ражий фриц пеньки с дровами
Сопя, топориком крушит.
Костер потрескивает рядом,
И лижет пламя черный бок,
Из гаубичного снаряда
Висит объемный котелок.
В нем булькает, шипит и дразнит
Мясное варево, на нюх,
Тут сытый не споткнется разве
О долгожданное меню.
Но я не раз бывал в разведке –
Подумай, если есть вопрос!
Гляжу, передо мной на ветке
Колышет ветер гнездо ос...
По всем законам маскировки,
С природной миною в руке,
Я незаметно, быстро, ловко

Залег в дровах, недалеке.
А мину положил у стула
И ждать почти, что не пришлось.
Фашиста словно ветром сдуло
Под тучей разъяренных ос.
Пока он в речке по макушку
Пускал из носа пузыри,
Забрал я «шмайсер»*, мясо с юшкой,
Свои законные дары.
Ребята встретили как брата,
А мне не повезло в тот раз.
Попало крепко от комбата,

Но то, друзья, другой рассказ.

**"шмайсер"- МР-40 - немецкий автомат времен Великой Отечественной войны.*

Анна Грищенко

НЕПРОЧИТАННОЕ ПИСЬМО

Братишка, я пишу тебе с неволи,
Я допишу сейчас, вложу письмо в конверт...
За что несчастные нам доли?
Сегодня для меня погаснет свет.
Послушай, братик, я всегда с тобою,
Остались друг у друга мы одни...
Отца и мать убили немцы в поле,
Сестренку старшую с собою увезли...
Мой милый брат, сегодня День Рожденье.
Желаю я тебе, чтоб поскорей был мир,
Желаю я тебе дойти до цели,
А я прощаюсь, братик, нет уж сил...
Вчера меня кормили вместе с Зорькой,
Ведь мы для них как скот теперь.
Я не могу рабыней быть у немца,
Хочу я жить! Но не могу, поверь...
Я вспоминаю с радостью мгновенья,
Когда была семья и целый дом гостей,
Ах, если бы вернуть часы забвенья,
Открыть глаза, проснуться насовсем!

Братишка, если ты читаешь...
Уже я ангел где-то в небесах...
Молю, спаси народ... большое горе:
В Германию они хотят отправить нас.
Я не могу так жить, родной мой братик,
Уж лучше смерть в родимой стороне...
Прощай, защитник и герой любимый,
Громи фашистов, помня обо мне!

Мария Евсеева

ДОНЕЦКАЯ ЗЕМЛЯ

Всё выдержит Донецкая земля,
Как Феникс, восстающая из пепла,
Перенесла страдания, окрепла,
Её собой закрыли сыновья.

Она хранит их детские мечты
До самых звёзд, таких далеких, близких...
Они навек застыли в обелисках,
Чтобы смотреть с гранитной высоты.

Их голос слышен в предрассветной мгле
И в переливах колокольных звонов,
Когда на миг застыв перед иконой,
Мы молимся о мире на Земле.

Привычный шум знакомых площадей,
Тенистый сумрак городских бульваров,
Величие и скорбь мемориалов
В сердцах знакомых и родных людей...

Донецкий край, прославленный в веках,
Шахтёрскими умелыми руками,
Здесь терриконы спят под облаками,
И вдаль уносит времени река.

Есть Родина одна, одна мечта,

И боль привычно в сердце отзовется
У тех, кто ненадолго, кто вернется,
И тех, кто не вернется никогда.

Кто здесь оставил капельку себя,
Кто красоты такой ещё не ведал,
И кто-то прославлял, а кто-то предал,
За всё простит Донецкая земля!

И верится, что миллионы роз
Распустятся опять под небесами,
Чтоб мир увидеть новыми глазами,
Лучистыми от радости, не слёз!

Есть Родина одна, одна мечта,
Она у нас Донецкою зовется,
Плохое кончится, хорошее начнется,
И будет так навеки, навсегда!

Василий Епихин

ПОЛУЧЕН ПРИКАЗ

Получен приказ: – К утру с «языком»!
Как стемнеет, идём на охоту,
Через поле броском, дальше ползком,
Метров сто животом по болоту.
С богом на «ты», он не враг и не друг,
Но когда осветил месяц поле,
Почему-то тогда вспомнили вдруг
О нём сразу мы все поневоле.
Стало в округе видно, как днём,
От ракет, что над нами зависли.
Ждать до утра, мы заданье сорвём,
Идти напролом, тоже нет смысла.
И, о чудо! Над болотом туман,
Хотя в сказки нисколько не верим...
Рейд был удачным во вражеский стан,
Взяли в плен мы тогда офицеров.

Случай нас всех до печёнок потряс,
Улыбнулось военное счастье.
Шутил командир: – Так это ж – Донбасс,
А туманы бывают здесь часто.

Валентина Ермоленко

ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ ДОНБАССА

День освобождения Донбасса
От беды – коричневой чумы,
Поколение нынешнего часа
Не забудет! Будем помнить мы,
Как сражались и отцы, и деды
И, ценой немалою потерь,
Приближали славный день Победы –
Светлый день, что празднуем теперь.
Едут люди на Саур-Могилу:
Высоту, пронзенную стрелой, –
Вспоминают, что происходило,
Жертвы, принесенные войной.
В сорок третьем враг – фашист проклятый,
Укрепился, вгрызся в землю тут,
Думал, что советские солдаты
Лягут здесь и дальше не пройдут.
Как нельзя остановить лавину,
Невозможно тех остановить,
Чья страна в чужих оковах гибнет,
Тот народ, что хочет победить!
Высота ждала своих героев
И стонала, видя гибель их,
Наблюдая панораму боя
И кровотока от ран своих.
Три попытки наших, море силы,
И не просто жертвы – горы тел!..
Здесь сраженья не на шутку были:
Высоту отдать враг не хотел.
Сила духа, мужество и вера,
На фашистских оккупантов злость –
Вот что накаляло атмосферу.

Все же, отступить врагам пришлось.
Лейтенанта белая рубаха,
Красная от крови, что на ней,
Развевалась, нагоняя страху
На фашистов, что страшней зверей.
Лейтенант Шевченко лег геройски,
Тысячи солдат легли не зря,
Ведь погнало немцев наше войско,
Заалела мирная заря.
И восьмого сентября отныне
Празднует, ликует весь Донбасс!
Чтоб врагов здесь не было в помине,
Мы стоим на страже и сейчас.
Сунулись в Донбасс, пришли нацисты,
Разгромили наш мемориал...
Мы прогнали их! Пусть будет чисто
В крае, что непокоренным стал!
Символ наш святой, Саур-Могилу,
Из руин поднимем, возродим.
Родина здесь наша – сила,
Наш народ никем непобедим!

Александр Ефременко

ПОМНИТЕ, ПОТОМКИ, О ВОЙНЕ

Утро замирает в тишине,
Солнце освещает обелиски,
Помните потомки о войне,
Она всегда шагает очень близко.
Поступью шагает не простой,
Судьбы разделяет до и после,
Косит жизни ржавою косой,
Детские глаза взрослеют быстро.
Нет, не забывайте никогда,
Тех, кто с честью пал на поле боя,
Чтоб не перепутались в летах
Совесть, параллели и герои.

ПИСЬМО СОЛДАТА

Здравствуй, мама!
Из окопа я тебе пишу,
Поцелуй воздушный, крепкий шлю.
Не тревожься, мама, понапрасну,
Не роняй, любимая, слезу,
Отгремит война и будет ясно,
Солнечный денек разгонит тьму.
Постараюсь я домой вернуться,
Только бы врага разбить скорей,
Как хочу обнять тебя, родная,
И увидеть даль своих степей.
Как же я хочу полюбоваться
Вишнями и грушами в цвету,
Так и манит утром пробежаться
По тропе, ведущей к роднику.
Мама, я соскучился по дому,
Мирной жизни очень я хочу,
Мама, я уже не тот мальчишка,
Мне любое дело по плечу.
А когда вернусь домой, то вскоре
Мы с отцом посадим пышный сад,
Будут птицы заливаться трелью,
Цветом белым будет он объят.
Выйдут в поле на невспаханые нивы
Тракторы – и упадет зерно.
Будет поле рожью колосится,
Жизнь продолжится – нам свыше все дано.

Оксана Кожемяка

СЕСТРИЧКА

*У памятника медицинской сестре на
территории медицинского колледжа
(Калининский р-н г. Донецка)*

Я вижу женское лицо
В пылу безжалостного боя...
А выше – радуги кольцо
И небо – светло-голубое.

Войною пахнет молочай...
Разрывов огненные блики...
А впереди – цветущий май
И День Победы наш великий.

Но до него еще дойти,
Как до далекого причала.
А ей – не больше двадцати,
И этот бой – войны начало.

Назло разрываю и смертям,
Чтоб жизнь в бою спасти солдатам,
Своею рисковала там,
Где поле пенилось когда-то.

Дорогой огненной беды,
Что всю Европу захлестнула,
Чумой коричневой орды,
Бойцов израненных тянула.

Военной формы сукнецо...
И безграничная надежда.
Родное женское лицо
Над раненым склонилось нежно.

Не испугать его огнем
И громким ревом канонады...
То женское лицо... О нём
Давно пора слагать баллады.

Бинтов гирлянды. Медсанбат.
И слезы страха с непривычки.
К Берлину топает солдат

С геройским именем СЕСТРИЧКА!

Виктория Колесник

30 августа 1943 года дивизионная группа разведчиков под командованием младшего лейтенанта Шевченко закрепилась на вершине Саур-Могилы и в течение 12 часов удерживала ее до подхода основных сил.

ПОДВИГ РАЗВЕДЧИКОВ

*Над седым курганом тишина,
Только плачет ветер на руинах.
Врезалась осколками война
В память твоих лет, Саур-Могила...*

Плыл жаркий август над донецкой степью,
На поле лег предутренний туман.
Траншеи опоясывали цепью
Изорванный снарядами курган.

Там, на вершине, наша разведрота.
Пробили брешь ребята, поползли.
И гимнастерки, мокрые от пота,
Как будто кожа к телу приросли.

Их обнаружили наутро, на рассвете.
Ударили со всех сторон огнем,
Но сверху пулемет врагу ответил:
«Врешь! Не возьмешь! Умрем, но не уйдем!»

И шла волной атака за атакой,
И дымом высоту заволокло,
Истерзанный курган стонал под траком,
И воздух огненный осколками секло.

С трудом стащив нательную рубаху,
Пропитанную кровью страшных ран,
Идя на смерть, в последнюю атаку,
Над головою поднял лейтенант.

И над вершиною затрепетало знамя,
Сквозь гарь и копоть реял алый стяг!
Из огнеметов вылетало пламя.
А он стоял – победный красный флаг!

Еще полдня сражалась разведрота
В немыслимом, бушующем аду.
В бессмертье шли минута за минутой,
Но мы не сдали эту высоту.

К закату солнце голову склонило,
И небо, словно вымокло в крови.
За Родину, на штурм Саур-Могилы,
Врага сметая, шли и шли полки ...

Раиса Котельва

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Мы выросли, когда разрыв снарядов
Не нарушал покой и тишину,
Нас не будил тревожный звук набатов,
Не видели мы страшную войну.
О ней читали мы, смотрели на экране,
Воспоминанья слушали отцов,
Но не носили мы кисет в кармане,
Любовно вышитый в тылу фронтов.
Мы не ходили яростно в атаку,
Мы не глотали горький едкий дым,
В смертельную не лезли с фрицем драку,
Не защищали то, чем дорожим.
Вот почему теперь, под мирным небом,
К гранитным плитам молча подходя,
Цветы приносим тем, кто в сорок первом
Погибли за тебя и за меня.
Мы павших не забудем, не забудем!
И славу вечную поём живым.
Вас, ветераны, вечно помнить будем,

Примите же поклон наш до земли!

Сергей Кравцов

ЛЕТО 41-ГО

Наступает холодное лето
Будто старую жизнь помянуть.
Жизнью новой наложено вето
Быть такою как та хоть чуть-чуть.

Ветер, дождь и печальное небо –
Все слезами готовы залить
Искры тлеющих горсточек пепла
На руинах кладбищенских плит.

Плакать до́ смерти, плакать сквозь силу,
Чтоб глаза становились черны́.
Жизни старой на смену и миру
Входит новая маршем войны.

Арусяк Лащенко

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ

Над могильным холмом мать старушка склонилась,
Горько плакала там, утопая в слезах,
Головою к могилке она прислонилась
С фотографией сына в дрожащих руках.
Она долго с сыночком своим говорила,
Как жилось без него, как искала всю жизнь,
Сколько раз у иконы всё Бога молила,
Чтоб вернулся живой, и шептала «вернись»!
Его вещи в шкафу каждый день обнимала,
И гармонь его гладила нежно рукой,
Фотографию сына в слезах целовала,
«Возвращайся скорее, сыночек, живой!»
Он пропал в сорок третьем в боях на Донбассе

Великой стеной,
 ГЕРОЙ.
Благодарность слова,
 молва.

Эхом вокруг
 – друг.
Плачем подруг,
 вдруг.
Плач сироты,
 и ты.
Снаряд пролетал,
 упал.
Слез не утер,
 костер.
Беспокойный сон,
 стон.
С мольбой в небеса,
 голоса.
Черное в цвет
 – ответ.

Войны больше нет,
 привет!
Радости глас,
 за нас.
Радости пыл,
 смыл.
Улыбки цветут,
 тут.
И за столом пир, МИР!!!

Людмила Логоша-Дубограй

ВЫПУСКНИКАМ 1941 ГОДА

Штрауса вальс над землёй проплывает,
Счастьем звенят голоса.
Бал выпускной, не скупясь, обещает
Только одни чудеса.

Чёрные галстуки, белые платья –
Кружит задумчиво вальс.
Юности милой родные объятья, –
Что уже завтра ждёт вас?

Можно пока подшутить над собою,
Ночь ещё тайны полна.
А на рассвете нежданной бедою
Радио скажет: «война».

Вмиг позабыты мечты и желанья,
Галстуки, платья – долой.
Фронт впереди и войны испытанья.
Все ли вернутся домой?

А на привалах сквозь время разлуки,
В сон беспокойный, порой
Выплывут вальса знакомые звуки,
Вспомнится бал выпускной.

Кто-то с победой окажется дома.
Кто-то войною убит...
В мирном июне пусть снова и снова
Вальс выпускной зазвучит.

Людмила Логоша-Дубоград

СЁСТРЫ. 1941 ГОД

*Маме К.И. Еремеевой и её сестре
З.И. Карповой, участницам ВОВ.*

Падали снаряды сутки напролёт,
За рекою, рядом, ухал миномёт.
Треском суетливым миномётов звук.
В окна торопливо постучали вдруг.
«Уходите, люди, – прокричал солдат, –
Мы отходим. Будет город немцем взят.
Мы вернемся скоро, нас победы ждут.

Но пока для сборов нет и трёх минут». Не стоит вопроса: быть или не быть. Девочкам, как взрослым, нужно уходить. Хлебушка схватили на двоих кусок. Срочно уходили сёстры на восток. Вдоль домов бежали беженцы толпой, Им вдогон пылали зданья за рекой. Канонада била – не сочтёшь всех бед. А сестрёнкам было вместе – тридцать лет. И сестёр пугала даже не война. Дома мать осталась с младшими одна. Всё вздыхали сёстры: рядом близких нет. А навстречу грозно ширился рассвет. Словно им пророчил то, что предстоит: Фронтовые ночи, жаркие бои. Форма рядового, за спиной – рюкзак. Всё в той жизни новой будет не пустяк: Как стоять с винтовкой ночью на часах, Как ползти так ловко, чтоб не видел враг. Как бросать гранаты, как подняться в бой... А пока девчата вдаль бредут с толпой. Им пройти полсвета предстоит пешком, Чтоб потом с Победой возвратиться в дом.

Игорь Лысый

ПОСЛУШАЙ ВЕТРЫ НАД САУР-МОГИЛОЙ*

Нет! Не просто на карте точка,
Не привычная высота,
А из песни геройской строчка,
Что печальна, но так чиста.

И плывут над Саур-Могилою
В небе белые облака.
И сияет улыбкой милою,
Под ногами Миус-река.

Снова степи цветут ковыльные,

Снова жаркого лета сон...
А тогда, только взрывы пыльные,
Скрежет смерти со всех сторон.

Но на карте нет выше точки,
Значит хода обратно нет.
И, у смерти спросясь отсрочки,
Разведгруппа идёт в рассвет.

Над курганом полоской алою
Ровно сутки трепещет флаг.
Героической горсткой малою**,
Был отброшен с вершины враг.

Бесконечные эти сутки
Основным помогли войскам...
Те секунды, часы, минутки –
Подвиг славя, пою небесам.

Пусть летят над Саур-Могилою
Степью пахнувшие ветра,
И сияет улыбкой милою,
Под ногами Миус-река!

**строчка из песни на стихи участника событий 1943 г. Фёдора Даниловича Серебрянского, музыка И.Н. Бирюкова.*

*** 12 бойцов разведгруппы под командованием мл. лейтенанта Шевченко захватили высоту и удерживали сутки до подхода основных войск, подняв окровавленную рубашку вместо флага.*

Юрий Мартыненко

ИСПОВЕДЬ ВЕТЕРАНА

Нас каждый год все меньше на планете,
Никем нас невозможно заменить.
А мы ведь были за весь мир в ответе,
Но не хочу я никого винить
За невнимательность, за черствость, безучастье,
Хотя от этого душа болит.

Мы для потомков отстояли счастье,
А им так трудно чуткость проявить.
Я был уверен, что мы зло разбили,
Но в душах внуков проросло оно.
Погибшим тяжело сейчас в могиле,
Смотреть на тех, кто занял их звено.
Потомки даже сносят обелиски,
И процветает в душах вандализм.
«Герой» – вчерашний прихвостень фашистский,
Вот это высшей степени цинизм!
Победный май – теперь уже не праздник,
И стыдно даже прадедам в раю.
За то, что правнуки живут неправдой...
Как жаль, что я сегодня не в строю.
Нас каждый год все меньше на планете,
Никем нас невозможно заменить.
А мы ведь были за весь мир в ответе,
Но не хочу я никого винить.

Виктор Миронцев

УЗЕЛКИ НА ПАМЯТЬ ДЛЯ ПОТОМКОВ

Три четверти века прошло с тех времён,
Как край наш донецкий был освобождён
От ига фашистов непрошенных, злых,
От нечисти – прихвостней прочих, иных.
Об этом написано множество книг,
Победы цена называется в них.
С врагами сражались отцы и сыны
Во славу великой Советской страны.
«За Родину» – лозунг! «За Сталина» – клич!
И рядом с народом, незримо, Ильич.
А громоподобное наше «Ура»
Сметало врагов, словно дождь из ведра.
Героев всех вспомнить – возможности нет,
Стирается Летой бойцов многих след.
Смешон спор комдивов: кто первым вошёл
В столицу Донбасса и славу обрёл*.

Тут Ратников первым был с группой своих.
Легенды, былины слагают о них,
Как в центр прилетели фашистам под нос
И натиск держали почти на износ,
Как флаг водрузили на ТеОиБе**,
Разя оккупантов в неравной борьбе...
Их подвиг потомки в веках чтить должны –
Нельзя забывать об уроках войны.
Свята память павшим. Поклоны – живым
Войны ветеранам, героям седым.
Тогда совершили вы всё, что могли...
Жаль, снова враги в наши земли пришли.
И вновь беспокойно сегодня у нас,
Бедой переполнен любимый Донбасс.
Конца не видать испытаньям войной.
Вам мужества, люди. Держись, край родной.

**Комдив 301-й гв. стр. дивизии генерал-майор В. Антонов и полковник А. Владычанский, комдив 50-й гв. стр. дивизии до самой смерти спорили о том, кто из них первым вошёл в Сталино.*

***ТеОиБе – театр оперы и балета.*

Раиса Мирошниченко

БЕССМЕРТЕН ПОДВИГ ТВОЙ, СОЛДАТ

Как же мало в живых,
Опаленных войной, остается,
Тех, кто в годы войны
Защищать встал родной наш Донбасс.
Спустя годы опять
В нашем крае рекою кровь льется,
И пытается враг
Опорочить ваш подвиг сейчас.
Не удастся им это!
Не тревожься, солдат, не позволим!
Подвиг твой стал бессмертным,
Мы его будем славить века.
Своим детям расскажем,
О героях поведают в школе,
Бесконечной и чистой

Течет памяти нашей река.

Майя Моргун

75-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ ДОНБАССА

Будем чтить мы эту дату,
Будем чтить ее всегда.
Этот день для нас, как праздник –
День изгнания врага.

Сколько горя принесла нам
Эта страшная война!
Не исчезнет наша память –
Она в сердце навсегда.

Наши воины сражались,
Отдавая жизнь свою...
Час Победы приближали
За Великую страну.

Все они для нас герои, –
Помнить будем их всегда.
Им цветы несем сегодня –
Честь и слава им, Ура!

Елена Морозова

В МАКЕЕВКЕ, В ТЕНИСТОМ СТАРОМ ПАРКЕ

Среди деревьев скромный памятник стоит,
Краснеются на нём гвоздики ярко
И ветерок листвою шелестит...

А много лет назад в больнице для фашистов
Здесь забирали кровь у маленьких детей –
На фронте раненых уж много стало слишком,
И стали донорами сотни малышей!

Выкачивали кровь из детских тел до капли,

Затем выбрасывали в ящик за стеной.
Но победили мы в войне с фашистской ратью –
В Берлине отгремел последний бой!

Вернулись к мирной жизни наши люди,
И возродили сёла, города!
В Макеевке решили – памятник ЗДЕСЬ будет!
Здесь, где детей навечно забрала война!!!

Елена Морозова

КОГДА ВОЙНА ПРИШЛА НА НАШУ ЗЕМЛЮ

Той самой ранней летнею зарёй
И погубила хрупкое мгновенье
Меж Миром и кровавою Бедой –

Загрохотали первые разрывы,
От страха застывала в жилах кровь!
Горели сёла, города и жнивы,
И Смерть вдруг победила Жизнь, Любовь!

Безумный шквал огня и стали
Понёсся вихрем по земле –
Фашисты злобно истребляли
Людей в моей большой стране!

Да, мы вначале отступали,
Но не учёл фашист-палач –
Мы просто долго запрягаем,
Зато потом несёмся вскачь!

И понеслась от Сталинграда
Победы грозная волна –
Фашистские полки-отряды
Гнала от Волги до Донца!
В степях Донбасса с новой силой
Помчалась подлая война –
Горела степь и мгла носилась

Под грохот взрывов, свист свинца!

Но в битве за Саур-Могилу
Мы разгромили вражью рать!
Родной Донбасс освободили
И продолжали дальше гнать!

Добили злобную гадюку,
Чтоб не смердила на Земле,
И суд людской им в Нюрнбёрге
Поставил точку на Войне!

Люди Земли, не нужна нам война,
Смерти, сраженья, бои и погромы!
Пусть будет солнце, покой, тишина
И не боялись грозы мы и грома!

Люди, поймите, война не нужна!
НАМ НУЖЕН МИР!
НАМ НУЖНА ТИШИНА!!!

Иван Нечипорук

УЛ. СОВЕТСКАЯ

В.А. Свеженцеву

Под этим ветхим тротуаром
Полуметровый слой камней –
Останки довоенной, старой,
Разбитой Горловки моей.
Здесь в огненосном сорок третьем
Такие пронеслись бои,
Что город весь в руинах встретил
Освободителей своих.
Но, невзирая на потери,
На абсолютнейший развал,
И в лучшее стараясь верить,
Из пепла город восставал ...

А вот сейчас, когда шагаю
По этой улице один,
Я этот город умоляю
Опять подняться из руин.

Людмила Пастушок

ДНЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ ДОНБАССА

Всю ночь «катюша» громыхала
И небо заревом пылало,
Донбасс, уставший от войны,
Освобождался от чумы.

Два года, как одно столетье,
Запомнят взрослые и дети.
Горела, как в аду, земля,
Дома сжигались все дотла.

Бросали в шахту патриотов
За правду, что несли народу,
Их стоны долго были слышны
В сердцах людей и всей Отчизны.
Герои – вечные они,
Шахтеры, Родины сыны.

В сентябрьский день друзьям и близким
Клянемся мы у обелиска,
Что память эту сохраним...
Спасибо павшим и живым!

Людмила Пефтиева

ПРОЩАЙ, СОЛДАТ!

*Посвящается ветерану Великой
Отечественной войны Морозову
Константину Ивановичу, участнику
Парада Победы в Киеве*

Ты был солдатом и ушёл солдатом,
Такими восхищалась вся страна.
Ты землю эту защищал когда-то
И вот опять нагрянула война.
И мог ли ты подумать в сорок пятом,
Под тот победный праздничный салют,
Что в Киеве, униженном, распятом,
«Свои» с фашистской свастикой пройдут.
Мы в путь тебя последний провожали,
Несли твои медали, ордена...
И слёзы на глазах у всех дрожали,
А где-то рядом снова шла война.
И мальчики в простреленных бушлатах,
Тебе прощальный отдают салют.
Но мы клянёмся всем, что для нас свято:
«Мы победим! Фашисты не пройдут!»

Георгий Руцинский

НА КУРГАНЕ (САУР-МОГИЛЕ)

На кургане прохладно, светло.
Пахнут розы, щебечет синица.
Сколько воинов здесь нашли
Свой последний приют? Что им снится?

Уж ничто им не снится давно.
Долг солдатский исполнили свято,
Как защитники Бреста, Москвы,
Тулы, Брянска, Орла, Сталинграда.

О, солдаты! Той давней порой
Вы стремились отчаянно в бой,
В рукопашный вступали недаром.
От сраженья – рассвет голубой
Стал в минуту грозой и пожаром.

Враг всей мощью своей наступал.
Было время увечий и муки,

Но держали горячий металл
Автоматов – надежные руки.

Вы не сдались – вы пали в бою.
К вам сегодня пришли на рассвете
Те, кто жив еще, те, кто в строю:
Ветераны и вдовы, и дети.

Чтоб почтить вас, отдавших себя
Для спасенья Отчизны любимой...
Сколько бомб приняла здесь земля?
Сколько пуль пролетело не мимо,

А нашли свою цель? Полегло
И врагов здесь, конечно, немало...
То, что было, от нас не ушло –
В нашу память глубоко запало.

Виктория Семибратская

КАК В СТАЛИНО РАССТРЕЛЯН ГИТЛЕР БЫЛ

Друзьям по десять лет в ту пору было.
Наш город Сталино томился под врагом –
Фашистский Вермахт разжигал горнило,
Прошёл по судьбам грязным сапогом.

На фронт по малолетству не пустили,
Но смелости мальчикам не занимать.
Не струсил и рук не опустил,
С врагом бороться – словно строить гать.

Краюху хлеба пряча под рубахой,
В траве высокой по земле ползли,
Царапали коленки, и без страха,
Еду солдатам пленным вновь несли.

И матерям надёжная подмога,
Не пошалить, когда враги вокруг.

В немецкий госпиталь их привела дорога,
Окно открыто, рядом верный друг.

Впорхнули в кабинет и осмотрелись –
Диван и книги, фюрера портрет.
Глаза мальчишек гневом загорелись:
«Нам Гитлер враг», – звучал прямой ответ.

Бежали по посадке словно зайцы,
Портрет прибили к дереву гвоздём.
Стреляли за страну, сводило пальцы,
Рогатки били каменным дождём.

Внезапно оборвалась месть сатрапу –
Подкрался немец, пистолет в руке.
Шатаясь шёл, как по морскому трапу,
Бежать нет смысла, жизнь на волоске.

Фашист смеялся, снял предохранитель,
И разрядил обойму всю... в портрет!
Сказал протяжно: «Гут!», поправил китель.
«Век!», – закричал бегущим детям вслед.

Быстрее ветра, пятками сверкая,
Мальчишки мчались по своим домам,
В тылу врага Победу приближая.
Пою я славу маленьким бойцам!

Виктория Семибратская

ОПЯТЬ СЕНТЯБРЬ РАЗУКРАСИЛ ЗЕМЛЮ

Опять сентябрь разукрасил землю,
Сияет солнце в тысячу свечей.
Идёт старуха, не идёт, а дремлет.
И детский смех – серебряный ручей.

Студгородок. Туман коснулся взора.
Вновь сорок третий, ей всего шесть лет.

Сбежать спешит врагов лихая свора,
Фашист лютует, багровеет след.

Во двор согнали всех людей из дома –
Профессорский состав, что много лет
Служили институту дорогому,
В умах пытливых пробуждая свет.

Всем приказали опуститься в погреб.
Щелчок замка закрыл не дверь, а жизнь!
На стон и ропот только злобный окрик.
Бензин и спичка – все в одно слились!

Метался факел с диким страшным воем,
Ломали прутья, чтоб спасти детей,
Бежали крохи под огонь конвоя,
Седело небо, видя плач камней...

На утро с боем в измождённый город
Вошли свои, погнав фашистов прочь.
Запомнит Сталино, потомки не оспорят,
Расскажет людям выжившая дочь...

Старуха постоит ещё мгновенье,
Платок поправит, и пойдёт домой.
Передаётся правда незабвенно –
В ней наша сила, стержень наш стальной.

Светлана Сергиенко

Не занимать Саур-Могиле славы,
Она как символ для державы,
И время не сотрёт её величье,
Её судьба и славна, и трагична.
И в майский день, и в августе горячем
Несут цветы героям высоты,
Они остались там,
Чтоб жили я и ты.

ШАХТЁРСКАЯ ДИВИЗИЯ

*Посвящается 383-й шахтёрской
стрелковой дивизии, награждённой
орденами Суворова II степени и
Красного Знамени*

Смертельным вихрем в сорок первом
Союз Советский был объят...
Народ восстал супротив скверны.
В борьбу вступили стар и млад.

Пылал Донбасс... Земля стонала...
Свинцовый дождь не утихал...
И днём, и ночью бой кровавый
Людские жизни забирал.

За свои семьи, за Отчизну,
Оставив шахты и дома,
Шахтёры, не жалея жизни,
Сплотились крепко против зла.

И вот в дивизии стрелковой
(Вчера – отцы и горняки,
Сегодня – воины-герои)
Огню и смерти вопреки

Стояли прочною стеною,
Стояли, отдых позабыв,
Родной Донбасс закрыв собою –
Вот это доблестный порыв!

Народ горячий и рисковый –
Шахтёрский трудовой народ:
Хозяин в недрах он толковый.
А коль война – на бой идёт.

Теряя лучших, забывая
О боли собственной своей,
Порою редко отдыхая,
К Победе шли, твердя о ней.

Тамань и Крым, леса, равнины,
Аджимушкой, Жуковка, Керчь,
И Одер, взятие Берлина,
Чтоб землю-матушку сберечь.

Отчизне долг отдали смело.
Отваги, мужества полны,
Они – пример для поколений!
Шахтёры – гордость для страны!

И мы – наследники Победы –
Верны заветам горняков.
Вам низко кланяемся, деды,
За вашу к Родине любовь!

Людмила Соколова-Цинкевич

А НА ВОЙНЕ НЕ ТОЛЬКО НАГРАЖДАЛИ...

*Посвящается жителю города Дебальцево
Степану Архиповичу Мазуру*

Давно закончилась война,
Но почему-то канонада,
Степана вновь лишает сна,
Как и тогда, у Ленинграда.

О прошлом всё напоминает,
Держа с ним постоянно связь.
И болью ран его терзает,
На время будто рассердясь.

Когда ж совсем невмоготу –
Степан встаёт, берёт шкатулку
И, чтоб не разбудить жену,

Тихонечко идёт на кухню.

А там – среди своих наград,
Он снова на передовой
И нет ему пути назад –
Вперёд, вперёд в жестокий бой!

И каждая награда вновь
В сознание боем оживает –
Бой в сердце будоражит кровь,
Перед глазами проплывает.

Награды дорого достались...
Но в ужас лишь одна приводит.
Не зря в народе говорят:
«В обнимку смерть со славой ходит...»

Грохочет, стонет Ленинград.
Удушливей петля блокады.
Голодные глаза ребят –
Им не войны, а хлеба надо.
Который день уже подряд
Довольствие не поставляют
И все солдаты есть хотят –
Теснее враг кольцо сжимает.

И не прорвать его никак.
Блокадный город умирает,
Но после смертного огня,
Как птица Феникс – оживает.

У ног – картофельное поле
Морозец клубни все сковал,
И мёрзлую её без соли
Степан, как хлеб святой, жевал.

Жевал, чтоб почерпнуть в ней силу,
От слабости чтоб не упасть.
Ещё тогда давался диву:

Какая ж в ней таилась власть!

Она спасательною шлюпкой
В голодном времени была,
Животворительницей хрупкой –
Погибнуть многим не дала.

Степану как-то захотелось
Мерзлятину разнообразить,
Огонь, прикрыв, чтоб не дымилось,
Решил плоды чуть-чуть поджарить.

Есть в жизни слабости мгновенья,
Что всей судьбой повелевают,
В них миг лишь удовлетворенья,
Бывает жизни всей лишает.

Чины повыше так сочли:
«Нарушил светомаскировку»
В огромном пламени войны!
И отобрали вмиг винтовку.
И не пришлось уже ему
Картошкой тёплой насладиться,
Приказом строгим по сему
Погоны вырвали с петлицы.

И трибунал тут, и расстрел,
Но перед смертью есть желанье...
Он помолиться захотел
Чтоб отмолить грех на прощанье.

В молитве жизнь стрелой промчалась:
Вначале радости вещала,
Бесславием она кончалась –
Война и славу отобрала.

Навстречу шёл им генерал –
С ним рядом сын полка шагал.
Отдал, солдат смутившись, честь,

Ведь человечность в нём-то есть!

И генерал, и конвоиры
О чём-то вскользь поговорили.
Степана тут же отпустили.
Послать в разведку вдруг решили...

Переосмыслив положение,
Пришёл он к умозаключенью –
(За промах свой не ждал пощады),
По возвращении – исполненье.

Сейчас же он как пионер,
«Всегда готов!» – и в путь-дорогу.
С него бы жизни брать пример
Приободлив его немного.

Он перед линией врага
С трудом дополз до кучи трупов.
Болит, кровоточит нога,
Нашарил флягу с кислым супом...
Средь трупов день он пролежал,
Но сделал рекогносцировку,
А, возвратившись, рассказал,
И внёс всю ясность в обстановку.

И снова чудо совершилось:
Степана вновь не расстреляли!
А всё триумфом завершилось –
Его к награде представляли.

И будто, «с корабля на бал»,
В атаке он – победа надо!
И взвод его кольцо прорвал –
Кольцо блокады Ленинграда.

Промчалась жизнь в недоуменье:
«Ну почему ж не расстреляли?»
Лишь через три десятилетия

Ему причину рассказали.

Вот он на встрече ветеранов.
И снова слёзы под оркестры
А его в чине генерала
Вдруг обнимает неизвестный.

И, мило-мило улыбаясь,
Спросил: «Меня не узнаете?»
В ответ пожал Степан плечами,
Не вспоминая по пехоте.

Когда ж напомним Ленинград
И Волховское направление,
Он вспомнил, среди лиц ребят,
Сына полка из подкрепленья.

И сидя с ним за кружкой пива
Они блокаду вспоминали,
Картошки мёрзлое месиво,
И как фашиста взашей гнали.

И получил Степан ответ:
На тот вопрос, что гложил годы:
«Кто же отвёл его от бед
Во время смертной непогоды?»

«Хотя все жили одним днём, –
Вёл генерал повествованье, –
Но даже в пекле тех боёв
Было жестоким наказанье

Лишить Вас жизни среди смерти,
Среди пожарищ за дымок,
Расстрел Ваш утвердить, поверьте
Наш бывший генерал не смог.

Он посылает вас в разведку,
Самой судьбе, дав рассудить

И, как бы всем смертям в отместку,
Судьба даёт вам право – жить».

Так и нашёл Степан разгадку
Всю в человеческой любви,
Когда и ей было не сладко
На плаху и её снесли.

Людмила Струлович

В ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ ДОНБАССА

А мой Донбасс, непокоренный
Фашизму кланяться не стал.
И вот солдат, одетый в бронзу
Взошел в века на пьедестал.

И не забыт тот подвиг славный.
Заветам прадедов верны.
Герои, вечно молодые.
Жизнь отдали за честь страны.

Солдат Отчизны – был шахтер.
Он Родину прикрыл собою.
И нет покоя нам с тобою.
Беречь нам свой родной простор.

И с каждым годом всё сильней
Обида, слёзы матерей.
Родному краю в мире жить.
В нас веру, правду не убить.

В борьбе за светлый идеал
Донбасс на смерть всегда стоял.
Героев помнить имена
Непобедимая страна.

Еще сильней сегодня стали.
У нас все мускулы устали.

Заслон фашизму на века.
Донбасса крепкая рука.

Валентина Сыромятникова

У ВОЙНЫ НЕ ЖЕНСКОЕ ЛИЦО

Манит березовая роща
Корою яркой белизны.
Эх! Кабы мир, было бы проще,
А шел четвертый год войны.
Девчонкам бы, в такую пору,
С парнями в роще той гулять,
А им бомбить фашистов свору,
Ночами надо вылетать.
И сколько тех ночей бессонных,
И вылетов, не сосчитать,
Им не ходить в одеждах модных,
А к гимнастеркам привыкать.
Последние мокры от пота,
Только не в том теперь беда,
А что подруги из полета
В полк не вернутся никогда.
Им в отчий дом не воротиться,
К березкам не коснуться вновь,
Весной победной не влюбиться,
От этих мыслей стынет кровь.
Какими верстами измерить
Весь женский путь на той войне?
Какими вехами отметить
В своей и дальней стороне?
А сколько их, ребят спасенных
На хрупких девичьих плечах,
Израненных и обожженных,
В лихих, запекшихся боях.
В тылу, с мужчинами на фронте,
В санбатах, снайперах, пехоте,
Во всех местах, где шла война,
Была представлена она.

И хоть война – мужское дело
Она под стать им, все сумела:
Взрывать, лечить, стрелять, летать,
Страну родную защищать.
Их вклад в Великую Победу
Достоин славы и наград
И в юбилейный год победный
В ряду с другими, их парад!

Ольга Табола

ВОЙНА

Никто не должен это забывать,
Но помнить сил уж не хватает.
Как в сорок первом танк на танк,
Как мор людей за сотни забегает.
Не в год, не в месяц и не в день,
Не в час – в минуту настигает,
Поток убитых, море ран,
Смерч скорби всё вокруг сметает!
Земля не в силах всех принять,
Все сыновья лежат на поле!
Слёз женщин лаве не унять,
Слёз матерей и жён в неволе.
Закрывать глаза нельзя от страха,
В них ужас детских лиц застыл!
Война приветствует солдата,
Который только в школе был!
Он не узнает счастье жизни,
Не станет взрослым он, нет сил,
Он жизнь отдаст своей Отчизне,
Чтоб в ней потомок его жил!
Чтоб возродиться в жизни вольной,
На лоне правды и добра,
Чтоб жизнь вдохнули грудью полной,
Кого не тронула война!

Войну, проклятую старуху,

Никак не можем пережить,
Она несёт свою разруху,
Мешает человеком быть!
Сквозь память снова возродилась,
Опять ведёт свою борьбу,
Зачем, ты, старая вонзилась
Своей косой в мою судьбу?
Я не видала сорок первый,
Не знаю сорок третий я.
Я знаю только сорок пятый –
Страна с Победой там моя!
А ты опять пришла украдкой,
Вновь шаришь в судьбах, как палач,
Своей рукой проклятой, гадкой,
Вселяешь в души горький плач!

Зачем нам память, если снова
Война пришла к нам на порог?
Зачем глаза всем этим вдовам,
Мужья, которых у дорог?
Зачем жить мамам без детей?
А детям жить без матерей?
Зачем нам помнить прошлый ужас,
Чтоб вновь всё это созерцать,
Зачем нам опыт прошлый нужен,
Чтоб снова войны совершать?

Проснитесь, люди! Хватит бредить!
Ну сколько можно убивать!?
Давайте лучше счастье видеть,
Давайте жизни – СОЗДАВАТЬ!

Войну отправить нужно в память,
Чтоб помнить, но не повторять.
Потомкам строго наказать:
«Войну не стоит воскрешать!!!»

КО ДНЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ ДОНБАССА

Прошли года, пройдут века,
Но память сердца не предаст,
Ведь рана очень глубока
Любимый край, родной Донбасс!

Сегодня праведный народ
Героев славит имена,
Я поколениям наперёд
Пишу – нам не нужна война.

Фашизм в Донбассе не пройдёт,
Нас на колени не поставит
И терпеливый наш народ
В истории победой славен.

Защитникам – большой поклон!
И искренняя благодарность,
И розы! Целый миллион!
И мира! Мира лучезарность!

Марина Шевченко

ПАМЯТЬ РАДИ БУДУЩЕГО

Сорок первый... Тревожный... Голодный...
В моём городе немец осел.
И с душою пустой и холодной
Нагло вёл бесконечный обстрел.

Мне четыре. Папа – на флоте.
Мы с сестренкой и мамой одни...
Мир кружился в безумном фокстроте,
И казались столетьями дни.

Пришли немцы и в нашу квартиру –
Забирать, что осталось у нас.

На стене – портрет папы в мундире.
В него – выстрел! Настал смертный час...

Подскочил немец быстро к сестричке,
Беспощадно швырнул из окна.
Я за нею крылатою птичкой
Полетела... Сестра умерла.

Мы бежали, укрывшись в вагоне.
Ночью нас обстрелял самолет.
Меня ранило. Кровь. И погоны,
Забиравшие всех для работ.

Мне лишь пять. Я – рабочая сила
У немецкой бездушной семьи.
Я у них ничего не просила,
Ела то, что взяла от свиньи.

Но однажды застала хозяйка.
Раздавила стопу каблуком,
И отправила «брак» и «лентяйку»
Прямо в лагерь, грозя кулаком.

Безысходность. Освенцим. И печи...
Они жгли неповинных людей.
О спасении не было речи.
Крысы. Смерд. Стон и крики детей.

Грея руки у тлеющих углей,
Я не знала, откуда тепло.
Испытала все адские муки...
Но мне чудом тогда повезло.

Сорок пятый. Тяжелый. Победный!
На границе – родные войска.
Мы в долгу перед ними, безмерном!
Будем помнить их подвиг всегда!

Заклинаю вас, помните, люди!

Поклонитесь живым до земли!
Миллионы измученных судеб
Вам Победу и Мир принесли!

Галина Шумакова

ДОНБАССУ

Родной Донбасс, я житель твой сейчас,
Но, а когда-то мало тебя знала,
Но в тот военный самый трудный час
Я, как и ты по-своему страдала.
И где жила, я видела врага
С тяжелыми, чужими сапогами
И знают все, как Курская дуга
Однажды все покончила с врагами.
И до сих пор я помню самолет
С двумя хвостами, звали его «рамой»,
А вслед за ним стервятников налет
И вся земля сплошной казалась ямой.
И ты горел и рушился, Донбасс,
Непокоренным вышел ты из боя.
И лишь могилы... Сколько их сейчас?
Заденут твое сердце за живое.
Саур-Могилы... Сколько здесь солдат
Отдали жизнь под этой высотой?!
И только цифры холодно хранят
Всех поименно памятью святою.
Поклон вам всем, родные, до земли!
Спасибо вам, живые ветераны,
За то, что фрицы все же не смогли
Сломить Донбасс, надеть свои капканы.
И знаю я, любимый мой Донбасс,
Не повернутся вспять твои ступени
Ни перед кем: ни прежде, ни сейчас
Ты никогда не станешь на колени!

ПРОЗА

Фёдор Березин

ЭВАКУАЦИОННЫЙ ЭШЕЛОН

рассказ-быль

Вы хотите рассказать мне о войне? Даже о Великой Отечественной? О! Вы читывали Фридриха Меллентина «Танковые сражения»? И прочих славных арийских рыцарей? Ух, ты? У них имелась рыцарская честь и они... Да-да, я как раз поведаю вам и о этих рыцарях без страха и упрека. Вскользь. Но и о них тоже. Так, между делом. Потому как без этого будет нисколько не обойтись.

Знаете, есть такой город – Горловка? Ах, да! Ныне все знают, ведают. Точно! Город-герой. Это ныне, тогда конечно не так. Кстати, мог при определенных обстоятельствах оказаться столицей края. Областным центром. Рассказывают, в тридцатых, какой-то местный чин не слишком чинно принял Калинина со свитой. А тогда как раз решалось... Ну, да! На счет центра. «Донбасс – сердце России!» Что-то в этом ракурсе. А вот другой чин – поспоривший – тот сработал как следует. Когда прибыл «всероссийский староста». Вот и стала Юзовка центром края и области. В общем, Сталино. Горловке не повезло, в смысле, стать.

Но мы тут не о Калинине, и даже не о Иосифе Виссарионовиче... Земля пухом... Мы тут, к слову, о Горловке. Там, в этой малоизвестной тогда Горловке родилась моя мама. В семье... Государственных служащих. Так будет точнее. Связаны были с электрификацией, прочим в этом роде. Родилась мама в тридцать третьем, в тысячу девятьсот, понятная песня. Ну, жила-поживала. Детский сад даже! При конторе, или там, тресте. Подрастает племя младое-незнакомое. Идут годы, накручиваем. В сороковом – аккурат семь годков в январе. Но тут корь, и прочие хвори. В общем, продлилось детство золотое – проскочила начало школьной поры. В те времена, ничего предосудительного. Подумаешь? Словом, в школу – в первый раз, в первый класс – идем восьми отроду. То есть... Должны идти. Ибо...

«Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой!» Знакомые мотивы? В школу-то осенью, а эвакуацию объявили летом. Пока еще не всем. Папа на особом задании. В смысле её папа. Лидии Фёдоровны. Мама. То есть, девочки Лиды, восьми полных лет. Даже больше, чем с половинкой. Папа – дед мой, значит – на особом задании. Его потом. Ему пока готовить к взрыву электростанции, разрушать – подготовить к разрушению – инфраструктуру

отрасли. Ибо, если уж придете, так хрена лысого вам, фрицы, электричество! Фигу с маслом!

Ну, а её маму – Елену Яковлевну, да еще серьезно травмировавшегося намедни братика – Эдика – их... Нет, не в эшелон! Представьте? Даже в трестовский автобус. Понятно, не только их – кучу мам и детишек с треста и производства. Даже кому-то из родственников пол квадратного метра перепало. А как автобус – «бип-бип» – тронулся с места, так тут еще и родственники-родственников опомнились. До сего дня никому ж не надо было. А тут – автобус! Комфорт. Тут комфорт, еще и передвижной. А там, в Сталино, над Первой Линией, говорят, уже пролетел какой-то фриц – самолет с крестами – и палил прямо по вечерним гуляющим из настоящего пулемета.

В общем, автобус под завязку и не только людьми. Все с пожитками и фикусами. В общем, автобус не просто полон, а... Как ныне в Индии. Щелкните мышкой, узнаете. «Отель Триваго», оно самое!

Счастье длилось недолго. В смысле, комфортно-автобусное. Километров так сто. Тут вдруг «Стой! Проверка документов! Куда следуем? Так-с... В общем, граждане... гражданки, освободите транспортное средство. Изымается в пользу действующей армии». Но не в чистом поле-дороге – не раздуваем «зверства большевиков». Довезли, доставили до ближней ЖД-станции, обустроили места в эшелоне. Даже целый вагон. Нет, не купейный, и даже не плацкарт. Теплушка. «Прошу, товарищи, размещайтесь!»

Подушки и фикусы перебираются в новую обстановку. А что? С некоторой точки зрения комфорт даже переведен на новый уровень. На дощатых настилах получается привольно лежать, а не только скучено сидеть как в давешнем ведомственном авто. Кроме того, тут явные преимущества социалистического строя. Каждый пересчитан, взят на учет и поставлен на довольствие. Можно попытаться сэкономить прихваченные домашние соленья до лучших времен. В смысле, худших. А покуда... «Ту-у! Ту-у!» – свистит паровоз. И продолжается путь.

Место эвакуации, то есть, конечная станция... Кхе-кхе! Это самое... Сталинград! Но это мы тут, косясь из грядущего далёко, воспринимаем данный маршрут несколько... как бы выразиться поаккуратнее?... недоработанным. Им-то там – летом сорок первого – все вроде правильно и даже с запасом. В самом деле, где Донбасс и где тот город на великой реке? Тем более...

Скорость не запредельная. Не «Сапсан» какой-нибудь. К тому же, отсюда на Волгу проложена всего лишь одноколейка. Потому на каждой отводящей развилке – «Прошу, подвиньтесь!» Эшелон с беженцами волочится в тупик, а мимо несутся поезда с войсками, а порой и с ранеными. Эти уже в обгон. Ну, а в тупике можно стоять и час, и день и несколько. Семьи – ячейки советского

общества, правда, без мужиков – по уши заняты проблемами жизнеобеспечения. Найти колонку с водой, натаскать в ёмкости доверху: кто его знает, вдруг следующая остановка будет вообще в безводье степи. Напилить дровишек, благо под рукой ничейные просмоленные шпалы. Приготовить супчик. Просто сбегать, узнать, что за станция рядом. Прикинуть, так сказать, перспективы дальнейшего пути. И не забываем. Война идет по пятам. Да о ней и не забудешь. Напоминает. Сирена на станции. И уже куда-то в верхотуру колотят зенитные орудия. Громко так колотят, надежно. Или только кажется, что надежно. Слишком протяжно, слишком затянато уверенно. Оттуда сверху уже падает живая и невредимая подвижно-юркая смерть с крестами на крыльях. Опорожняется, облегчается от подвешенного взрывчатого имущества. Ему туда – к толстым ниткам огнеопасных цистерн, и даже к скоплениям замерших фигурок у водоносной колонки.

Но на станциях – это еще не ужас. Так себе. Целей для белых рыцарей – выбирай не хочу. Зенитки, опять же, как отвлекающий фактор. В общем, теорию вероятности советским дошкольникам не преподают, но здесь она постигается априори. Ты маленький фрагмент сервиза в посудной лавке. Вокруг может биться все что угодно, но конкретно до тебя и до припрятанного эшелона дело может не дойти вовсе. Хуже когда этот эшелон один в поле воин. Точнее, совсем не воин. Зенитки – они остаются там, на станции и ждут на следующей. А поезд с эвакуируемыми – он сплошная демилитаризованная зона. Из взрослых мужчин и то, только машинист. И поэтому...

Налет в чистом поле на отдельный эшелон – это куда хуже, чем в станционном ЖД-скоплении всего и вся. Одно счастье. Заштатный эшелон с беженцами не есть приоритетная цель. На него не запасено отдельного боекомплекта. Так что обычно белые рыцари без страха и упрека атакуют подобные цели обратным ходом. Отбомбившись где-то в указанных полетным заданием местах. Но ведь воинский задор, молодецкая удаль. Как можно упустить такой повод повеселиться и отработать меткость? Причем, в отличие от станций с зенитными орудиями риск абсолютно нулевой. Абсолютно!

Единственная защита эшелона – это машинист, следящий не только за путями, но и за небом. Как только в степном просторе неба вырисовываются подозрительно знакомые силуэты, поезд экстренно тормозится. Мужик, задыхаясь, бежит вдоль вагонов, торопя с эвакуацией: «Быстрее, бабоньки! Быстрее, милые!»

Из вагонов начинают выпрыгивать. Часто неторопливо выбираться, спускать детишек. Привыкли уж. Сколько раз было зазря. Некоторые вообще спокойны, будто в доте. Может, мимо пролетят, а у меня тут супчик как раз поспел.

А рыцари в летных очках уже тут как тут. Кладут оставшиеся бомбы в покоящиеся вагоны. Чистая геометрия без помех. Но бомбы обычно уже прикончены где-то на дальнем ЖД-узле. Так что отрабатываем пулеметами. Там на станциях было несколько стрёмно – зенитки нервировали. Ну, а здесь...

Отрабатывают по отдельным залегшим и мечущимся целям. Маленькая Лида, задравши голову, прекрасно различает лицо и победную ухмылку белого рыцаря без страха и упрека. Он упивается всесилием на полную катушку. Очередь прошивает стог сена, в котором затаилась Лида. Рядом молодая незнакомая женщина с совершенным груднячком. Крупнокалиберная пуля идет через нее навывлет. Груднячок весь обрызган кровью матери и неслышно хнычет в этом грохочущем, ревущем аду на фоне крестьянских пасторалей. Отработавший норматив белый рыцарь-колонизатор уруливает куда-то ввысь перед новым заходом.

И вот так два месяца. Два месяца до кажущегося поначалу, издалека такого безопасного города Сталинграда. Два месяца прочь от войны, наступающей по пятам. Не отпускающей.

Оттуда – из города на Волге – потом придется двигать уже за Волгу. Уже в следующем эшелоне, в сторону совсем далекого Кирова. Но там уж другое дело. Это уже не в пределах досягаемости белокурых бестий сверхчеловеков.

Просто километры, сотни и тысячи. «Чух-чух-чух!» – катит поперек шпал эвакуационный эшелон. Не один, тысячи. Где-то там моя мама, моя бабушка и мой дядя. Они все переживут войну.

Назло белым европейским рыцарям.

Илья Богатиков

ВАЛЬКА СЫЧЕВ С УЛИЦЫ ПОЧТОВОЙ

То январское утро было по-особому темным и тревожным. В сером, монолитно-неприступном низком небе иногда протаивали полупрозрачные колодцы ультрамариновой чистоты, но они быстро затягивались клочковатой дымкой. Исхудалые птицы с еле уловимым шелестом проносились над руинами жилых зданий, над закопченными остовами храмов, больниц, школ и изуродованными ломаными линиями брусчатых улиц. Над городом Сталино по-прежнему витал дух недавней оккупации, но фашистская чума уже была изгнана красным штыком советского солдата. Народная сила крепла очень медленно и неуверенно, подломленная жестоким, невыносимым бременем двухлетних страданий, ужасов и лишений.

Сегодня, в среду 19 января 1944 года, у заброшенной вот уже двадцать лет шахты 4-4 бис на «Калиновке» неровными рядами выцвели на белом снегу темные пятна человеческих тел. Если бы ты мог взлететь и посмотреть на эту грустную картину с высоты птичьего полета, ты убедился бы, что тела напоминают строки из какого-то рассказа на чистой белоснежной странице, рассказа о чудовищных злодеяниях фашисткой нечисти, скверны приползшей на земли Донбасса мять, кромсать, жечь, убивать, завоевывать.

Валька медленно брел между трупами и думал о чем-то своем. Исхудалое мальчишеское лицо, веснушчатый нос и непослушный рыжий вихор, торчавший из-под кое-как напяленной впопыхах шапки, живые, повзрослому сосредоточенные серые глаза. Глаза цвета стали. Уже давно высохли на бледных скулах горькие слезы, давно уже утихли всхлипывания в тощей мальчишеской груди. Сегодня у Вальки была цель! Определенная цель – найти Его!

Запахнув поплотнее отцовский синий пиджак и спрятав продрогшие пальцы в просторных, уже порядком вытертых и латанных, рукавах, Валька шел и смотрел на трупы. Холодные, скомканые смертельными оковами, худые и жалкие, родные. Большинство мертвецов были голыми, но попадались и в обрывках одежды, как правило нижнего белья. Почерневшие, полуистлевшие, с вывернутыми в неестественном положении руками и ногами, иногда с переломанными запястьями, проломленными грудными клетками. Вот парень склонил спину над ссохшимся, как печеное яблоко, старушечьим телом. Это его мать. Ее знали все жители Складской улицы за невероятной глубины душу, за доброе сердце и золотые руки. Зинаида Ивановна пекла и продавала пирожки. Пышные, румяные, ароматные пирожки с абрикосами, грушами, картошкой и луком. Но больше всего все любили пирожки с капустой. Эх, какие же вкусные они были. Горячие, с хрустящей золотой корочкой. К тете Зине приходили целыми семьями за пирожком, ведь вкуснее точно не найти и между тем каждый мог поделиться своей историей, своей радостью и горем. Тетя Зина была рада каждому. А сейчас над ее дважды простреленной седой головой склонилась спина ее сына, раз в несколько минут сотрясаемая тихими сухими рыданиями.

Вот смотрит в свинцовую высь небольшой трупик, завернутый в подобие ночной сорочки, маленькие трогательно изогнутые ручки будто просят, умоляют спасти ее, вернуть к маме, избавить наконец от этого бесконечного ледяного ужаса – без сомнения это девочка лет двенадцати. Где ее мама и папа? Здесь же, среди этих бездыханных, исковерканных тупой злобой и жестокостью человеческих останков? Или они все еще гниют в огромном многотысячном склепе? Нет ответа!

Валькины родители погибли еще в марте 1942-го. Расстреляны. Тогда они жили на улице Почтовой у мастерской по ремонту обуви. Валины мама и папа прятали от немецких карателей Марка и его сестру. Марк был евреем. Тогда по городу, на заборах и столбах уже успели промокнуть от зимних снегов и осенних ливней объявления о добровольной выдаче немецкому комиссариату всех евреев. Сначала «еврейский вопрос» решался в Белом карьере, огромном меловом котловане, в центральной части города. Сюда сгоняли евреев во временные бараки-землянки, вырытые у восточного склона карьера. Для последующего «переселения». Вначале в «переселение» верили многие, верили, что немецкая пунктуальность и любовь к дисциплине наведут порядок во всей военной суматохе и хаосе. Никому не могла прийти в голову мысль, что выхолощенные, согнутые в тугой гитлеровский рог арийские души наведут порядок «по-своему». Даже известный стоматолог Хейфец, учившийся в Германии и имевшим, к слову сказать, зубок на советскую власть, много раз доказывал, что народ, породивший Гёте и Ницше, не может, априори, быть жестоким, чудовищно жестоким в своей мрачной изобретательности. Хейфец ошибался. Он был расстрелян за вопросы, почему вокруг Белого карьера вдруг натягивают колючую проволоку и ставят караульные укрепления. Расстрелян быстро и без эмоций.

Белый карьер превратился в гетто для евреев. Жить в жалких земляных лачугах было унижительно, тяжело, невыносимо. Среди подобия улиц и утлых, чуть выступающих над белой пыльной поверхностью, домишек карьерного поселка Нахаловки, в условиях антисанитарии и голода быстро распространялись крысы, тиф и педикулез. Здесь же, на территории Белого карьера еврейский вопрос решался «окончательно».

Тем, кто укрывал евреев, грозил расстрел. Кто утаивал информацию о нахождении евреев, их перемещениях и деятельности, в случае провала раскрытия тайны, – расстрел. Родители Вальки Сычева были расстреляны на его глазах, когда несли в подвал под ремонтной мастерской поздний ужин – сваренные картофельные очистки и кусочек черного хлеба. В подвал, в котором за прочной перегородкой из сбитых досок прятались Марк, молодой, подающий надежды композитор и его сестра. Все решилось быстро. Кто-то дал немецкому патрулю наводку о том, что семья укрывает евреев. Молниеносный налет, заломленные руки, несколько ударов прикладом по лицу. Сутолока. Потасовка. Вскрик. Четыре коротких выстрела. Четыре трупа. Валька все наблюдал из-за широкого ствола тополя, до крови закусив ладонь. Его оттолкнула мать и приказала спасаться, когда услышала скрип мотоциклетной коляски, вывернувшей из бокового переулка на их улицу почтовую. Как его не заметили? Как не убили? Судьба.

Валька пережил перелом в своей судьбе. На войне быстро привыкаешь к трупам, а гибкая детская психика быстро удаляет из памяти особо травмирующие и негативные моменты. Они не исчезают из памяти и могут мучить годами или даже всю жизнь. Но мальчик сейчас сосредоточен на одном. Ему нужно найти Его. Своего личного Врага. Врага, в котором сосредоточена все ненависть, вся боль и отчаяние, все муки нежной детской души, все выплаканные и невыплаканные слезы. Подросток на миг остановился, постучал правой ногой о землю, затем левой, в немудреных попытках согреться, противостоять неумолимому дыханию январской стужи. Поежился, потер худые бока руками. Попрыгал на месте. Показал на свет из просторных рукавов белые маленькие кулаки, подул на них. Затем еще подул. Вроде согрелся. Взгляд остановился на искореженных, согнутых, изломанных взрывом металлических конструкциях, над стволом шахты 4-4 бис. Когда немецкая вошь, пытаясь в отчаянии замести следы своих злодеяний, взорвала перед своим жалким и совсем негероическим побегом шахту, осталась вот эта железная груда обломков, словно туша огромного мифического спрута, разбросавшего многочисленные свои шупальца.

Валька знал, что тот, кого он ищет, находится здесь. Когда его, маленького и беззащитного, привели на расстрел в составе небольшой группы партизан, подпольно печатавших и распространявших антигитлеровские листовки, было страшно. Перед их колонной к крытому зданию шахты подъехало три просторные машины – «душилки», из которой в темный провал шурфа полетело 17 полураздетых трупов. Бледные, с вытаращенными глазами и высунутыми языками, будто куклы из опилок, мертвецы падали в яму и пополняли это невероятное место жертвоприношения, этот чудовищный могильник своими телами. К этому моменту шурф шахты 4-4 бис на Калиновке был заполнен больше, чем наполовину, из 395 метров чуть больше 340 метров было заполнено трупами, причем самые нижние слои уже представляли собой полуразложившуюся, почти однородную массу, включающую кости, шахтные породные обломки. Тела людей в этих слоях обильно посыпались каустиком – сильной щелочью, отчего разъедались и быстрее поддавались процессам гниения.

Вонь из ствола стояла плотной, желчной атмосферой. Трупный яд образовал в вертикальном колодце шахты целые озера, поднимаясь к поверхности чадающим густым облаком. Этот тяжелый, душащий смрад убивал всякое желание сопротивляться, подавлял эмоции и волю, мучил сознание. Валька с трудом сейчас вспоминает, как его полураздетого, полуживого, пинками и тычками подводят к бесконечно отталкивающему, нереально большому зеву шахтного ствола, как один из фрицев бьет кулаком по лицу

сопротивляющуюся, молящую о пощаде женщину. Выкрикивает ей в лицо что-то твякающее, грубое и непристойное, смеется, бьет еще раз. Гремит выстрел, уши закладывает от боли. Гремят еще выстрелы, теперь уже приглушенно, уши словно заложило ватой, в голове поплыл монотонно-дребезжащий комариный звон. Женщина мертва, но фриц снова подходит к ней – она не упала, зацепилась коленным сгибом за кусок породы. Подходит, начинает дергать за палец – что-то блестящее на этом пальце привлекло сытый хищный взгляд. Валька не убит, он тихо скулит от ужаса и отчаяния, тянет немца за одежду. Кто-то подходит ближе, отпихивает мальчика ногой, воздух сотрясают ругательства – Валька летит в пропасть, навстречу вечной ночи, неизвестности и смерти. Но что-то пошло не так. Выше, на фоне уменьшающего светового кольца стволового выхода летит еще одно тело – это роттенфюрер Фелькер, сброшенный в бездну своей алчностью и товарищем Случаем. Короткий полет, удар, перелом шеи, смерть. А Валька чудом выжил. Как? Чудеса случаются.

Пять дней сверху еще летели трупы, пять долгих дней слышались стоны умирающих, копошащихся в лужах крови, задыхающихся в трупных испарениях тел. Знакомые, соседи, друзья... Пять дней невыносимого ада. Пять дней сверху слышались крики, звуки слабого сопротивления, брань, выстрелы.

А потом все стихло.

Его достали на шестой день, полумертвого, искалеченного, но живого. Поднимали на веревках на поверхность в люльке из простыни, потом долго согревали, кормили, лечили. Наши пришли! Наши советские воины-освободители, изгнавшие последователей третьего рейха из славного города Сталино и всей донбасской земли.

Доставать останки погибших было назначено на семнадцатое января 1944 года.

Трупы лежали уже в пять рядов и на их опознание пришло много людей, родственников и друзей невинно убиенных. Но здесь лежал и Враг. Валька знал это. И вот, наконец, у тоненькой осины, на которой еще с осени остались пяток порыжевших, свернувшихся трубочкой листьев, отдельно от всех остальных, лежала груда рванья. В этом еще не полностью разложившемся зеленоватом лице, мальчик узнал своего истязателя, мучителя и Врага. Зачем Валя ждал этой встречи, что он ему хотел сказать? Вся злоба, собранная в его кулаках, вся ненависть, копившаяся эти долгие дни и недели, не могли вдруг найти выхода, они как-то растворились, как дым растворяется в чистом небе. Перед Мальчиком лежал его злейший враг, воплощение истинного Зла и истинной Боли. Но это был лишь труп. Жалкий, полуразложившийся человек, хоть и фашист, с вытекшими ссохшимися глазами и перекошенным черным ртом. И тут Вальке пришла в голову мысль, что

человек страшен, пока он жив, а это лишь мертвец. И все его злые деяния остались в его жизни. Сейчас он отомщен, а другим, кто еще ходит по Земле, еще предстоит расплачиваться долгие годы и поколения за свои невысказанные преступления и злодеяния. Есть смерть со Славой, а есть смерть со срамом. Эти жалкие остатки вонючей плоти заслужили только презрение да еще, пожалуй, жалость.

На шахте 4-4 бис было уничтожено около 75 тысяч советских граждан. Донецкий «Бабий Яр» – страшная трагедия нашего народа, которую мы никогда не забудем.

Анна Матвеевко

НАДЕНЬКА

*Моей маме – Надежде Фоминичне Рудь
(в замужестве – Матвеевко) и её брату,
Рудь Анатолию Фомичу, посвящается...*

Наденька часто вспоминала беззаботное довоенное время: гулянья в новом городском саду, первомайские демонстрации; фильмы, которые крутили в выходные в Доме культуры. Как радовалась, когда ее приняли в пионеры. Красный галстук Наде повязал старший брат, Толик. А потом, после школы, он купил ей самое вкусное мороженое – пломбир. Надюша откусывала сладкую прохладу, подхватывая языком стекающие капельки...

В эвакуацию они не уехали – глава семьи, работая на заводе, в эвакуационные списки не попал. Да и мобилизации у них никто не подлежал: отец в свои пятьдесят шесть был близорук, Толику, первому, но позднему ребёнку, исполнилось всего шестнадцать. А Наденька, едва переступила рубеж тринадцатилетия – уже не девочка, еще не девушка. Голенастая, нескладная, сероглазая.

Сосед Сашка был на пять лет старше. Совсем взрослый парень! И почему, уходя в первые дни июля в военкомат, он вдруг спросил Наденьку:

– Ты будешь меня ждать? – она не поняла. Покраснела и убежала в огород, захлопнув калитку.

Так Саша и ушел – не услышал ответа. А Надюшина семья осталась в Сталино. В старом саманном доме возле станции Рутченково.

Война громыхала где-то далеко, за городом. Через станцию шли эшелоны: теплушки, забитые солдатами; платформы со станками и машинами; вагоны с углём. Город спешил увезти всё ценное прочь от надвигающейся

линии фронта. Когда подавали редкий состав для гражданского населения, на перронах творился ад: крики женщин, плач детей.

– Мама, а мы? Давай тоже уедем, мама! – упрашивала Наденька. Отца дома не было, он пропал на заводе. Что нельзя было увезти, необходимо было уничтожить. В первую очередь это касалось документации. Этим и занимался отец со своими сослуживцами. Толик тоже исчезал из дому с раннего утра. Наденька знала, что он каждый день ходил в военкомат, просился в армию. Но ему отказывали: мол, молод еще! Толя возвращался вечером домой злой и подавленный. Днём в доме оставались только Наденька и мама. Надюше жутко было видеть всё то, что происходило вокруг. Поэтому и задавала девочка свои вопросы, просила, чтобы они уехали вместе с теми, кто толпился на перронах станции.

Мама вздыхала, гладила Наденьку по голове и тихо говорила:

– Ну, куда мы поедem, дочка? К кому? Некуда нам уезжать. Даст Бог, перебедем и здесь... – она крестилась на икону Христа, висевшую в красном углу. Темный грустный лик освещался трепещущим огоньком лампадки.

Икону Спаса Наденька видела всегда, с рождения. Мать в Бога верила и в церковь ходила. Отец по этому поводу помалкивал, а дети шумели и укоряли маму в несознательности. Но в эти дни девочка притихла, по-новому воспринимая слова молитвы, слетающие с маминых губ. Она слышала страшные рассказы станционных рабочих: далеко не все составы с беженцами прибывали в пункт назначения. Фашистские бомбардировщики часто сбрасывали на эшелоны с мирными людьми свой смертельный груз.

И Надюша о том, чтобы уехать, просить перестала. Скоро и поезда исчезли. Станция опустела, город затих и затаился – советские войска покинули Сталино. Безвременье, пугающее своей неизвестностью, продолжалось несколько дней.

А потом Наденька увидела первого в своей жизни врага. Ничего не боясь, оглядываясь по сторонам, как хозяин, положив руки на висящий на груди автомат, он, не торопясь, шел прямо по шпалам...

Надюша в испуге кинулась домой. Мать побледнела, захлопнула дверь и задвинула засов. Потом задёрнула занавески и вполголоса твёрдо сказала домочадцам:

– Из дому – ни ногой. К окнам не подходите.

Ей не возразил никто – даже отец.

До вечера на улице было тихо, только старый пёс Туман позвякивал цепью и поскуливал возле сарайчика. А когда начало смеркаться, вдруг зарычал и залаял – злобно, взхлёб, как не лаял ни разу в своей долгой собачьей жизни. Через стекло донесся треск мотоциклетного мотора, послышалась громкая

чужая речь. Наденька подалась было посмотреть, что там, но мама схватила за руку, толкнула на табурет, приказала:

– Сиди здесь!

Все молча слушали, как во дворе рвался с привязи и бесновался Туман. А потом прогрохотала короткая очередь, пес взвизгнул и замолк. Толя бросился к двери, отец кинулся за ним, притиснул к стене, резко сказал:

– Куда? Всё. Поздно...

И горестно добавил:

– Я виноват. Нужно было Тумана на задний двор увести, в дровнике запереть...

Надюшу затрясло, она давилась слезами. Мать крепко прижала её к себе и грустно сказала:

– Вот и настали чёрные времена...

С этого дня началась оккупация города. Фашисты насаждали свои порядки. Требовали, чтобы Сталино называли Юзовкой. Требовали, чтобы взрослое население регистрировалось в комендатурах. Требовали сдать радиоприёмники. Требовали выдачи коммунистов и евреев. Требовали от шахтёров – от тех, кто остался – спуститься в шахты и добывать уголь. Этот уголь был нужен немецкой промышленности, чтобы сделать больше стали, больше оружия и убить ещё больше советских людей. За невыполнение – расстрел. Шурф шахты № 4/4-бис полнился трупами. Умирили пленные в страшном ДУЛАГе-162, лагере смерти в самом центре города...

По улице, на которой жила Наденька, несколько домов получше заняли гитлеровцы. Хозяев выгнали. Развалюху Надюшиной семьи не тронули. Объявили, что дети должны продолжать ходить в школу – пришлось подчиниться. На первом этаже рутченковской школы учителя пытались проводить занятия. На втором разместилась немецкая управа. Внизу дети писали в самодельных тетрадах из оберточной бумаги, на полях старых прописей. Часто всем классом шепотом пели советские песни. А вверху, топоча сапогами, сновали немцы и их прихвостни.

Еды почти не было – только то, что собирали на маленьком огороде. Отец сам брал тачку и уходил менять вещи на продукты в Еленовку и Волноваху. Иногда удавалось что-то выменять, порой – нет. Родители темнели лицом. Возле рта у Толи проступили упрямые жесткие складки. Мать боялась выпускать его из дому, берегла от греха. Да убережешь ли...

А вскоре вышел ещё один приказ – о том, что молодежь отправляют на работу в Германию. Толя попал в списки. Отвести эту беду от него родители не сумели...

Рыдания матери, слёзы отца, брат, уходящий с мешком на плече вместе с группой парней и девушек под конвоем нескольких полицаев... Всё произошедшее показалось Надюше дурным сном. Мир померк, потерял яркие краски. Она потом долго-долго не могла вынырнуть из окружившего её вязкого кошмара, жила как-то отстранённо, плохо понимая, что происходит вокруг. Почему мама в тёмном платке на коленях вечерами плачет перед иконой? Куда исчезает отец и куда пропали мамины кольцо и браслет? Почему на столе сегодня – хлеб и настоящий, хоть и постный, борщ, а не приевшаяся тыквенная каша? Зачем нужно бежать в огород и прятаться в узкую земляную щель, что так страшно воет над головой?

Наденька не искала ответов. Делала, что говорили, шла, куда указывали. Не указывали – молча сидела в углу, смотрела на огонёк лампы.

Легче стало ей только после того, как свершилось долгожданное: в ходе тяжелых боев советские войска смогли выбить фашистов из Сталино.

Сначала девочка таилась с родителями в подполе и несколько дней слушала жуткий грохот артканонады, стрельбу и взрывы. Было начало сентября. Душный зной стоял над городом. В жаре природы, в жаре схваток с врагом мешались пыль и осколки снарядов. Затем наступило короткое затишье. А потом на улице раздались крики:

– Наши! Наши идут! Родные!!!

Наденька смотрела из-за забора на запыхлённые, усталые лица солдат, на то, как бегут и обнимают их измученные люди, как слёзы блестят на их глазах. Голова кружилась, пелена серого кошмара исчезала и таяла...

Начались совсем другие дни. Надюша заново училась робко улыбаться. Но прежний жизнерадостный смех к ней не возвратился, сон все не заканчивался: брата среди тех, кто освободил город от фашистского зла, она не увидела.

Да и не смогла бы увидеть.

Война продолжалась. Отец вернулся на завод. Возродить его нужно было почти с нуля: гитлеровцы при отступлении взрывали всё, что могли. А Наденька вместе со многими другими девчонками, пережившими, как и она, оккупацию, пошла в рутченковский горный техникум. Парней на курсе не было, парни воевали на фронте.

Сначала, вместо занятий, студентки разбирали завалы и приводили в порядок аудитории, помогали в восстановлении районного дворца культуры. Потом началась учеба. Совсем юные девушки спускались в уцелевшие шахты, изучали особенности нелёгкого шахтёрского труда. Готовились стать нормировщицами, учетчицами, работать и на поверхности, и под землёй. Выезжали в колхозы, где остро не хватало рабочих рук. Слова «Всё для фронта,

всё для победы!» были для советских людей не пустым звуком. Они жили ради того, чтобы эти слова исполнились.

Но брат всё не возвращался, и всё также каждый вечер склонялась мать перед образом Спасителя.

Майской ночью Наденька подскочила от криков и выстрелов.

– Мама! Что там? – в страхе вскрикнула она.

– Война закончилась, доченька! – сквозь слёзы улыбнулась мама и, крестясь, низко поклонилась иконе. – Теперь, дай Бог, и Толя вернётся...

И брат действительно вернулся. Через полгода после победы. Страшно исхудавший, возник в проёме скрипнувшей двери. Мать молча кинулась к нему, отец, слепо нашаривая на столе очки, шагнул навстречу. А Наденька сползла по стене и тихо заплакала, смывая слезами остатки своего долгого горького сна.

Анатолий пережил в Германии два побега, отправку в Маутхаузен, дистрофию и лагерьный госпиталь. Его, как и сотни других умирающих в этом концлагере заключенных, освободили американские союзники. Он мог выбирать – уехать жить во Францию, Англию или за океан, в Америку. Но предпочел Родину. И фильтрационный лагерь для тех, кто был в плену. Вернуться Толя смог только после того, как прошел в нём все проверки.

Но он всё-таки вернулся. Удача ли улыбнулась, мать ли вымолила жизнь сына у Бога? Наденька об этом не думала. Главное, что Толик снова был с ней рядом.

Парень быстро окреп, пошел работать на шахту. Снова стал заводилой, балагуром и душой компании. Родители лучились тихой радостью, Надюша смеялась его шуткам и гордилась тем, что у неё такой замечательный старший брат.

Но иногда, ночами, Наденька молча плакала, закусив угол подушки. Она не смогла дождаться Сашку.

Саша сгорел в танке на Курской дуге...

Татьяна Маховицкая

ТАНКИСТ СТОЛЯРОВ И ДРУГИЕ

Каким странным узором порой переплетаются людские судьбы...

– Юра, стой! Юра, падай! – истошно кричит мужчина средних лет. Он скользит по щебёнке, насыпи, пытаюсь догнать перепуганного племянника. А тот бежит прочь от поезда, забыв, что при бомбёжке бежать нельзя, нужно падать, где стоишь, и тогда, может быть, повезет...

Не повезло. Юру убило осколком. Произошло это возле станции Красная Могила на Луганщине.

Мужчина – мой дед, Владимир Николаевич Щекин. Потомственный железнодорожник, будущий главный инженер службы зданий и сооружений Донецкой железной дороги. Он везёт семью в эвакуацию, в Ташкент. И трагедии, случившейся с племянником, никогда себе не простит...

Там, в Луганске, в оккупации, остались родители. Двенадцатикомнатный дом едва не стал причиной гибели главы семьи, отца шестерых детей Николая Яковлевича Щекина. Немцы, обходя город и подбирая подходящие помещения, решили разместить в этом доме штаб. Сообразив, что незваные гости всерьёз собрались хозяйничать в его владениях, крутой нравом прадедушка, в Гражданскую войну машинист красного броневика, побагровел и закричал супруге:

– Женечка, носи топор!

Тишайшая Евгения Лаврентьевна явилась через секунду. С топором. Схватив означенное орудие, прадедушка и пошёл на непрошенных гостей.

Случилось чудо – он получил всего лишь прикладом по голове. И захватчики убрались восвояси, решив, что лучше не связываться. Ибо в домах, куда «постояльцы» заселялись без приглашения, нередки были случаи массовых отравлений.

А в это время в Москве, в офтальмологическом отделении кремлёвской больницы, одна из старших сестёр моего деда, Александра Николаевна, не спит уже которые сутки. Специалист высокой квалификации, она вернула зрение не одному десятку военных летчиков.

На фронте сражается муж средней сестры, Анастасии Николаевны (позже она получила звание заслуженного художника Советского Союза), туркменский скульптор Шамиль Ахназарович Муратов. Он прошёл всю Великую Отечественную простым пехотинцем. Добрейшей души человек, обожал жену и позднюю дочку Инночку. Созданные после войны его работы – бюсты Ленина, Мусы Джалиля, статуя «Сталевары» – долго хранились в запасниках Третьяковской галереи и ашхабадского музея. А у меня до сих пор стоит на полке его «Туркменская девушка»...

В Ташкенте семьи железнодорожников расселили. Жизнь, само собой, была не из лёгких. В дом заползали скорпионы и сколопендры. Местные жители не очень охотно продавали еду приезжим. Но тут в дочь Владимира Николаевича, Лену, Лялечку, мою будущую маму и очень красивую девушку неожиданно влюбился сын богатого соседа Исмаил. Прислал сватов по всем правилам, но получил категорический отказ. Больше всего маму обидело то,

что за неё предложили двадцать два барана – фантастический по тем временам калым!

Несостоявшийся жених обиды не понял – таким выкупом обычно гордились. А вскоре получил повестку на фронт, и больше о нём ничего не известно. Но местные признали эвакуированных за своих и стали предлагать продукты на продажу. Молоко носил старый узбек, оставлял на крыльце кувшин и писал на заборе мелом, сколько ему должны. Однажды принёс огромную грушу:

– Лала-джан, тебе, в подарок!

И тут же добавил:

– Напиши – два рубля за грушку!

С тех пор в семье, когда видели, что кто-то дарит подарки не от души или ждёт за них плату, приговаривали: «Два рубля за грушку!»

Честно говоря, у Исмаила с самого начала не было никаких шансов. Мама уже давно заказала себе мужа у Мироздания.

Родилась мама в Таганроге (позже мой прадедушка переехал в Луганск, где и осел с остальным семейством). Море, солнце, дом-музей Чехова, в Летнем саду каждый вечер дают оперетту, куда маленькую Лялю водит тётя, своенравная дама и талантливая пианистка... И, конечно, кинотеатры. А вот туда хорошо ходить со вторым дедушкой, Гришей. Он хоть и дремлет весь сеанс, но потом с удовольствием смотрит, как внучка исполняет танцы из фильмов. Особенно ей нравилось класть на ванну доску и изображать Любовь Орлову «на пушке»!

Однажды Ляля, придя домой после очередного просмотра фильма «Цирк», заявила со всей решительностью: «Я выйду замуж только за Столярова!» Кто помнит, именно этот артист сыграл главную роль в шедевре Григория Александрова.

Спустя ещё некоторое время, когда страна уже активно готовилась к войне, а на экраны вышел фильм «Трактористы» (содержащий недвусмысленный намёк на то, что людям мирных профессий следует срочно осваивать военные), в декларацию были внесены коррективы: «Я выйду замуж за Столярова, и чтоб он был танкист!»

По возвращении из эвакуации семью Щекина направляют в Артёмовск – железнодорожники восстанавливают повреждённые дороги и вокзалы. Селятся они рядом с расположением танковой части. И вот Ляля идёт отоваривать талоны на белый хлеб для больной мамы в единственный магазин, куда этот хлеб привозят – как раз на тщательно охраняемой территории. И на посту в тот день командир танкового экипажа старший сержант Столяров Пётр Андреевич...

Столярова-танкиста заказывали?

О его предках известно очень немного. Дед Матвей запомнился тем, что прожил сто пять лет, и один поднимал бревно матёрого дуба, которое и несколько мужиков с трудом сдвигали с места. Происходило это возле городка Рославля Смоленской губернии, где отец мой и родился.

В тридцатых годах семья Столяровых, спасаясь от поразившего Россию и отнявшего нескольких членов семьи (в основном детей) голода, выезжает на Украину. Привет апологетам «голодомора» – там они как-то и выжили, главным образом потому, что кроме осиновой коры и лебеды здесь росла ещё и кукуруза. Початки этого растения десятилетний Петя и выменивал на станции Майорск у Горловки на другие необходимые продукты.

Ушёл он на фронт в 18 лет, воевал до Победы, участвовал в битве на Курской дуге, получил контузию, горел в танке – на спине его навсегда остался след от ожога. В детстве меня удивляло, что он никогда не принимал приглашений на собрания ветеранов и пионерские сборы – пока долго молчавший папа наконец не высказался:

– Что я буду там рассказывать? Как мы в сутки жили на двести граммов хлеба и половник каши без масла? Или о том, как я в окопе с товарищем разговариваю, с которым полгода рядом воевали, и он вдруг на меня валится, а я обнаруживаю, что у него головы нет? Или как я еду на танке по тракту, а вдоль него на проводах человеческие кишки гроздьями висят? Никакой красоты на войне нет – грязь и кровь!

К сожалению, в справедливости этих слов убедилось и наше поколение... Может быть, и хорошо, что отец не дожил до дней, когда ветеранов – освободителей Украины – стали именовать «колорадами».

И еще один эпизод: после Победы папа чудом избежал отправки на японский фронт.

– Уже документы выписали, – рассказывал он. – Подхожу к танку, а там экипаж – три сорокалетних мужика. Командир посмотрел на меня и говорит: «Постой, это не дело». Ушёл в штаб, возвращается через полчаса с таким же, как сам. «Иди, сынок, вон туда. У нас у всех дети есть, а тебе жениться надо, а не в Японию».

«Вон там» собирались экипажи, направлявшиеся на базы. Так что спасибо тому сорокалетнему мужику за то, что мы с братом существуем...

Родители мои были безусловно счастливой парой и прожили вместе сорок восемь лет. Папа дослужил сверхсрочную, окончил техникум и стал инженером. Брат мой, Александр, появился на свет там, где родители встретились – в Артёмовске. После учёбы отца направили в Красногоровку, затем семья перебралась в Донецк. Я родилась уже здесь.

Так в истории одной семьи соединились танкист Столяров, пехотинец-скульптор Муратов и военный врач Щекина...

Я горжусь не только тем, что мой отец отстоял нашу страну в самой страшной из войн. Позже, уже работая на Донецком металлургическом заводе, он запатентовал массу рацпредложений, а перейдя в филиал Ленинградского института огнеупоров, ездил по всему Союзу с испытательными партиями изделий. Опытные образцы высылали ему из Ленинграда прямо на дом, и я, уже изучившая основные виды огнеупорных изделий, важно спрашивала:

– Папа, что там – пробки, трубки или кирпичи?

Как и все ветераны, перестройку он воспринял тяжело. Изменившееся отношение к ветеранам – ещё тяжелее. Умер в 1997 году, мгновенно, от инфаркта. Сидел в кухне у стола, разговаривал с мамой и повалился набок. А последними словами были:

– Это всё из Космоса...

Знал что-то папа, наверное...

Юлия Рангу

НАШ ГОРОД, НАШИ ГЕРОИ, НАША ИСТОРИЯ

Война – это страшное слово. Оно всегда ассоциируется у людей с горем, разрушенными судьбами людей, страданием, предательством и героизмом. Ни одну семью не обошли ужасы Великой Отечественной войны. Поэтому все знают, какой ценой достался мир. Но никто даже не предполагал насколько он хрупкий. Каждый год в первые майские дни мы вспоминаем грозные годы войны, чтим память павших, благодарим оставшихся в живых ветеранов. Раньше я никогда не думала, что услышу залпы тяжелых артиллерийских орудий, увижу, как разрушаются дома, гибнут мирные жители, а тем более не могла даже представить, что когда-то буду прятаться от обстрелов в сыром, темном, холодном подвале. Земля, воздух, пение птиц, мирное небо над головой – все это начинаешь особенно ценить после ужасных событий, которые пришлось пережить летом 2014 года. Все эти события заставили меня задуматься о тех чувствах, которые испытывали люди во время оккупации фашистами наших территорий, о подвигах, о мужестве людей, которые не жалели свои жизни ради победы над врагом.

О подвигах на войне можно размышлять много и долго. Но есть такое понятие как массовый героизм и этому много подтверждений. Современная молодежь знает имена советских героев, знает об их подвигах. Но, к

сожалению, не все знают о тех людях, которые боролись в тылу врага на территории родного края. А если попросить молодых людей назвать фамилию хоть одного партизана, то вряд ли они смогут ответить на этот вопрос. Да, наверное, и не каждый взрослый сможет дать ответ. В достижении Великой Победы над фашистской Германией важную роль сыграло партизанское движение советского народа, которое носило массовый характер и явилось стратегическим фактором и, по сути, с первых дней войны стало вторым фронтом борьбы. История войн не знает ни одного примера, когда партизанское движение сыграло бы такую роль, какую оно сыграло в годы Великой Отечественной войны – это слова одного из гитлеровских генералов. Читая о подвигах молодых комсомольцев, не перестаешь удивляться, откуда в них столько сил, храбрости, да и самим оккупантам было невдомек, что молодые люди становились защитниками Отечества не ради наград и благ, просто их так воспитывали в семьях и комсомольских организациях. В начале 1942 года на территории Харцызского района появились первые ростки движения сопротивления врагу. Патриотически настроенные жители городов не могли мириться с нашествием на родную землю фашистской нечисти, поэтому объединялись в небольшие группы и оказывали оккупационным властям различного рода сопротивление. По заданию штаба Южного фронта и Таганрогского военного гарнизона на территорию нашего района для организации и руководства партизанским отрядом был направлен Иван Петрович Дунаев, офицер Красной Армии, имеющий специальную подготовку разведчика. С полковником Кириленко, дававшим задания, он уточнил программу действий, пароли, явки и в первый день 1942 года перешел линию фронта. А уже в конце июня 1942 года был издан приказ № 1 о создании партизанского отряда «За Родину». Командиром отряда стал Иван Петрович Дунаев, начальником штаба – Иосиф Яковлевич Калмыков, заместителем начальника по разведке – Иван Леонтьевич Гармаш. Местом нахождения штаба была выбрана шахта села Николаевка, резервным – шахта поселка Зуевка. По одной из версий, которая чаще всего приводится в воспоминаниях ветеранов, свое имя отряд получил в память о юных патриотах из Троицко-Харцызска, которые сделали несколько выстрелов из найденной в кустах пушки по колонне наступающих врагов. На боевом оружии ребята мелом написали «За Родину!», и этот призыв по предложению народных мстителей стал названием отряда. Приказом № 2 утвержден личный состав отряда, а группы преобразованы во взводы. Здесь же была сформулирована главная цель отряда: нанесение мощных выборочных ударов по коммуникациям врага такой силы, чтобы противник долго не мог оправиться; выполнение задания командования Красной Армии в любом случае, вплоть до самопожертвования. Проявление

трусости, нарушение конспирации рассматривалось как измена и предательство. Эти требования закреплялись военной присягой, которая принималась каждым партизаном. Первыми под сводами выработки в шахте «Донтоп» клятву приняли и скрепили кровью 12 человек: И.П. Дунаев, П.И. Яковенко, Ф.И. Портас, И.Л. Гармаш, В.Ф. Торченко, Н.Т. Кадецкий, Г.А. Коршунов, М.И. Пудло, Г.Т. Сердюк, И.Я. Калмыков, И.В. Абашин, В.И. Шаталин.

В итоге, как вспоминал в 1985 году на научно-практической конференции «Об особенностях партизанской борьбы в промышленных районах Донбасса» Иван Петрович Дунаев, была сформирована целостная структура партизанского отряда «За Родину». Она включала в себя диверсионные и разведывательные группы, группу связи, явочные квартиры, тайники связи, радиопосты и радиосвязь, базу для накопления, хранения оружия, боеприпасов, продуктов питания и медицинского обеспечения. База с вооружением находилась в селе Николаевка в наклонной шахте. Этот склад оберегал Иван Васильевич Абашин, впоследствии ставший начальником партизанской базы. Харцызскую группу партизан возглавил Николай Ефимович Недосекин, который отличался особой смелостью. Под стать ему были и другие члены группы: Григорий Чулков, Александр Кучеренко, Василий Чернявский, Владимир Кузнецов, Леонид Скляр, Михаил Резников, Николай Федоренко, Моисей Пудло, Николай Кадецкий, Андрей Яровенко, Григорий Сердюк и др. Главная задача отряда «За Родину» – обжиться на месте, вести разведывательно-диверсионную работу, передавать сведения через линию фронта Красной Армии, распространять среди населения листовки и сводки Совинформбюро. При этом рисковали не только бойцы отрядов, но и их семьи, родственники. За связь с партизанами фашисты карали всех, а партизанами оккупанты называли каждого, кто читал листовки или не выполнял немецкие приказы. Борьба с оккупантами велась в неравных условиях. Полицаи, старосты и прочие враги Советской власти, затаившиеся до поры до времени, стали усердно помогать фашистам. Мосты, железнодорожные станции и водокачки тщательно охранялись немцами и полицаями. В таких жестких условиях без конспирации и дисциплины отряд не мог бы просуществовать и двух месяцев, но он жил и боролся больше года. В отряд «За Родину» вступали целыми семьями. Партизанские матери непосредственного участия в боевых действиях не принимали и по врагам они не сделали ни одного выстрела, но их вклад в общую победу неоценим. Они были связными и осведомителями, помогали скрываться партизанам, кормили их и лечили. А главное – благословили своих сыновей и дочерей на подвиг. Эти гордые женщины тоже были под такой же ежедневной угрозой, как и их дети. Вступая на отважный путь борьбы, они понимали, что ожидает каждого в

случае провала. В справке Штаба партизанского движения при военном совете Южного фронта, которая хранится в архиве Института истории Великой Отечественной войны, сказано, что при подходе частей Красной Армии бойцами отряда «За Родину» предотвращен взрыв железнодорожного моста в Зугрэсе длиной 75 метров, сохранено 400 голов крупного рогатого скота. В этом же документе говорится, «что в период с июня 1942 по сентябрь 1943 года отрядом «За Родину» уничтожено: солдат и офицеров – 68, жандармских офицеров и полицейских – 5, лошадей – 30. Выведено из строя 55 паровозов, 24 вагона, 10 автомашин, 1 самолет и разрушено 4 моста и т. д.». В целом с октября 1941 по сентябрь 1943 года партизанские отряды провели более 600 операций и уничтожили свыше 10 тыс. гитлеровцев.

Вооруженный враг всегда опасен, и борьба с ним требует мужества и смелости. Но для партизан и подпольщиков наибольшую опасность представляли так называемые «свои». Харцызских подпольщиков выдал агент гестапо Пономарев (в списках гестапо он значился как агент «Святой Георгий»). В июне 1943 года многие партизаны были схвачены и расстреляны в хуторе Третьяки. Родина высоко оценила подвиг наших земляков – народных мстителей. Орденами и медалями Советского Союза были награждены многие командиры и бойцы отряда «За Родину», в том числе и посмертно. На месте казни мирных жителей и 12 партизан в хуторе Третьяки на окраине Иловайска сейчас воздвигнут величественный монумент. Но прежде здесь стояли скромные обелиски с именами погибших патриотов и словами благодарности от потомков.

Война – это древнейшая человеческая трагедия. Несмотря на то, что мы живем в XXI веке – веке прогресса, веке информационного общества – для нас по-прежнему остаются актуальными вопросы войн, фашизма, экстремизма, терроризма. Почему человечество не учится на ошибках истории? И все же в каждой войне есть место героизму и подвигу. Мир подвига неисчерпаем, и все в нем связано крепчайшими нитями: прошлое и настоящее, настоящее и будущее. Мы должны передавать память о наших предках нашим детям, чтобы те чувства и эмоции, которые испытывали наши деды и прадеды были понятны нашим потомкам, ведь забыть – это значит предать настоящее и прошлое. Великая Отечественная война – это история, написанная кровью храбрых. И среди наших земляков тоже были такие люди. Николай Недосекин, Григорий Чулков, Александр Кучеренко, Василий Чернявский, Владимир Кузнецов, Леонид Скляр, Михаил Резников, Николай Федоренко, Моисей Пудло, Николай Кадецкий, Андрей Яровенко, Григорий Сердюк – эти имена мы должны знать, так как они служат примером мужества и патриотизма по сей день.

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ

Эти воспоминания о моей бабушке, которая пережила войну. Я ее помню совсем немного, она недолго прожила. Бабушка ни минуты не сидела без дела, все время что-то делала. Даже перед смертью она от слабости сидела на кровати, но руками ощипывала перья: «Вот сделаю таку-ую подушку моей внучке!» Ладони были у нее очень большие, непропорционально большие, а предплечье тоненькое. Когда ее спрашивали, она отвечала: «За всю жизнь выработались мои руки». Перед смертью попросила чистый белый платок, причесалась, надела платок, легла и ... отошла. Звали ее Матрона или Мотя, а ее детей звали Мария и Василий – они родились как раз на Рождество. В младенчестве оба переболели менингитом, Маша – выздоровела, а Вася остался глухонемым.

Жила семья на хуторе, что на реке Крынка, Амвросиевского района. Мотя – молодая и крепкая, была звеньевой, выращивала огромные бураки, такие, что ее, как стахановку, отправили до войны в Москву на выставку достижений народного хозяйства. Муж – Федот – работал на ферме. А Маша и Вася ходили в начальные классы школы.

Грянула война... Мужа в начале осени, когда враг приблизился, отправили с колхозным стадом подальше на восток. Осталась Мотя одна с детьми. Но она не растерялась. Помогала в колхозе собрать урожай, и сама тоже готовилась к оккупации. Зарыла в землю зерно, которое заработала в колхозе. Насолила капусты и огурцов, насобираала много съедобных трав. А еще вырыла под стенкой домика маленькую «спрятку» для детей. Научила их по сигналу прятаться, а потом Маша прислушивалась и выходила с Васей по команде. Вася понимал речь по движению губ.

И вот, в конце октября 1941 года, враги заняли село. Согнали всех жителей в центр поселка, через переводчика объявили о новых порядках. Мотя слушала, слушала, а потом негромко сказала слово «дура», обозначая свое отношение ко всему. Она не заметила, что сзади стоял полицай, он услышал ругательство и хлестнул Мотю плеткой. Да так ударил, что одежда лопнула, и кровь побежала. А дальше началась мука мученическая. Почти всех женщин погнали на цементный завод, но они там ничего не сделали. На следующий год гнали на рытье оборонной линии. А Мотю заставили готовить им кушать. Как-то Мотя была свидетелем такой сцены. Немецкий офицер сидел, рядом стояла русская переводчица, еще совсем молодая девушка. Он ножом отрезал

приличный кус хлеба и намазал его маслом – толстым слоем. Потом протянул девушке, она сказала «danke» и хотела взять, а фашист бросил хлеб рядом сидевшей овчарке, величиной с телят, собака только хамкнула. Один раз маленькая Маша попала немцу. Он протянул ей свои сапоги и велел почистить. А Маша гордая была, спрятала руки за спину и только хотела сказать «нет», как Мотя заметила эту сцену, подбежала забрала сапоги и сама почистила.

Была у бабушки Моти тайна, которую она не раскрывала – она с детства была верующей. Она в домике прятала икону Божией Матери, прятала так, что не догадаешься, времена были безбожные, страшные. Одно окно в домине было забито досками снаружи, а изнутри была икона, прикрытая плотной тканью. Бабушка молилась Владычице, и часто поступала по наитию свыше. Поэтому ее и поставили готовить кушать, чтобы могла спасти детей от голода в те страшные годы. А еще у бабушки были такие руки, что она что ни посадит, оно растет – это спасло их в годы войны. Запомнила она, что каждый день на войне слышала от детей: «Мама, кушать!»

Наступил 1943 год. Было лето, наши части уже наступали. Фашисты бесновались, зверствовали, расстреливали. Однажды ночью Мотя не спала, тихонько молилась. То ли молитва была очень горячей, то ли пришло время помочь страждущим, но в какое-то время фигура Божией Матери на иконе засветилась. Богородица обратилась к ней, приказала взять детей и идти к берегу реки спасаться. От света проснулась дочка Маша, смотрела и удивлялась. Потом проснулся и сын Вася. Позже они спросили маму, что это было, но она сказала, что им приснилось. Мотя быстро собралась, взяла детей и тихонько пошла на берег реки Крынки. Никто их не увидел, никто не остановил. Рядом с селом был лесок. Недалеко от него они нашли воронку от снаряда, которую прикрыла крона упавшего дерева. Там Мотя уложила детей в воронку, а сама пошла на берег реки. «Завтра дети проснутся и попросят кушать, нам бы рыбки», – подумала Мотя. Она наклонилась к воде, и тут увидела, что к ней подплывает приличных размеров лещ. Мотя ухватила его, и как же она благодарила Богородицу за помощь. Она тут же разделала рыбину, развела костер, завернула добычу в листья и положила на огонь. Объяснялось все очень просто – недалеко наступала наша армия, в воду попали снаряды, и рыбу приглушило. Когда рыба испеклась, Мотя заснула. Утром ее разбудил разговор Маши, которая веточкой отгоняла от нее мух, а Вася плавал в реке. Потом они сели есть рыбу. Маша вспоминала, что никогда не ела такой вкусной рыбки. Конечно, она же не знала, что это была необыкновенная рыба!

После обеда все трое сидели под воронкой и глядели на восток. Оттуда слышалась приближающаяся канонада. Вдруг Мотя онемела. Прямо над

стеблями бурьяна появилось несколько голов. Это оказались наши разведчики. Они подошли, расспросили Мотю, кто в селе из врагов засел, и кто как вооружен. Потом поделились сухарями, и двинулись дальше. А Мотя с детьми стали наблюдать за селом. Над ним стали подниматься клубы дыма. Тогда Мотя с детьми вернулась в село. Крыша ее дома горела. Вокруг лежали трупы односельчан. «Так бы было и нам», – подумала она. Мотя проворно полезла на крышу и стала тушить пожар. Маша и Вася ей подавали воду. Вот так Мотя осталась с двумя детьми и в доме с наполовину сгоревшей крышей. Она не знала что с мужем, только молилась, чтобы вернулся.

Муж вернулся! Поздней осенью 1943 года Мотя что-то делала в доме, и вдруг услышала знакомый голос:

– Ой, какая ты седая, Мотюня!

– Федюня! – только и сказала Мотя.

Она повернулась, и увидела старого, седого, с бородой, в фуфайке своего мужа. Она узнала его, ведь только он и она умели открывать засов на двери беззвучно. Осенью 1941 года он успел пройти опасную зону со скотом. Потом гнал его дальше и дальше в Россию. А там устроился в каком-то колхозе на ферме. В армию его не взяли, так как он был ранен в Первую мировую войну. После войны его поставили хлебопеком. Он прожил совсем недолго – умер от опухоли.

Бабушка Мотя осталась сама с детьми, вырастила их, выучила. Работала в колхозе птичницей – очень любила кур, каждую «знала в лицо». А еще любила вышивать, нас учила, что иголка должна быть тонкая-тонкая. В гробу лежала в той рубашке, которую сама вышила в юности. Рубашка эта сохранилась, к счастью, и в революцию, и в войну, и после войны, когда меняли все на еду. Лежала в гробу белая-белая, седая, и улыбалась. Царствие Небесное!

Лидия Федорова

А СТЕПНАЯ ТРАВА ПАХНЕТ ГОРЕЧЬЮ...

Невыдуманная история

...По всем направлениям линии фронта началось наступление советских войск. Враг панически отступал, наша армия била и гнала его с родной земли. Один за другим освобождались от гитлеровских захватчиков города и села.

И вот наступил день, когда и наше родное Старобешево было полностью очищено от фашистской нечисти. Горжусь тем, что одним из участников его освобождения был мой отец, Георгий Степанович Николаев.

...Уставшие, в запыленных гимнастерках, но счастливые от предвкушения победы шли по степным дорогам наши бойцы, все дальше на запад отгоняя врага. Отряд, освобождавший Старобешево, остановился на привал за рекой Кальмиус, прямо в степи, на возвышенности, где сейчас расположен поселок Новый Свет.

Был тихий сентябрьский вечер. Солнце клонилось к закату, озолотив верхушки деревьев. Измученные боями, солдаты от усталости буквально валились на землю, вдыхая всей грудью родные запахи чабреца и полыни, любясь белоснежным пушистым ковылем.

Когда отряд расположился к ужину, командир обратил внимание на одиноко стоявшего солдата, который внимательно всматривался в даль. Подойдя ближе, он узнал своего бойца Николаева, который что-то беззвучно шептал, а в его синих глазах блестели слезы...

– Что с вами? – спросил командир.

Солдат от неожиданности вздрогнул:

– Виноват, товарищ командир! Размечтался... Недалеко, за рекой, мое родное село. Здесь остались родители, жена, дети... Вот бы их повидать!

– Чудак! – воскликнул командир. – Почему молчал?! Беги к своим родным! У тебя впереди целая ночь. Утром догонишь у обильненского моста, по пути на Донецк...

Не мешкая ни минуты, отец схватил вещмешок и побежал, не разбирая дороги, к родному дому. Он словно летел на крыльях, забыв об усталости, и на душе у него было легко и радостно. Еще засветло он добежал до реки. На мосту ему повстречался подросток, с удивлением крикнувший вслед:

– Вы что, дядя Юра, уже домой вернулись?!

Отец не сразу признал в нем соседского мальчика. Подросток и сообщил ему страшную весть о смерти его жены (моей мамы). Она умерла в 1942 году, когда ей было всего-то двадцать девять лет, оставив троих сирот...

От этого известия у отца подкосились ноги, все померкло перед ним. Еще не осознав до конца услышанное, он поспешил к моей бабушке (маме жены), которая жила сразу за рекой. Он все еще надеялся услышать, что это неправда, что мальчик ошибся, что-то, напутав...

Но, увы! Когда отец вбежал во двор, бабушка, завидев его, ахнула и заголосила, словно прося прощения за то, что не уберегли мать его детей.

Так они долго стояли посреди двора, обнимая друг друга и горько рыдая. Потом отец одеревеневшими ногами, с понурой головой зашагал к своему дому, предвкушая тяжкую встречу со своими сиротами. Со слезами радости встретили его родители, а подросшие дети несмело, с любопытством разглядывали дяденьку-солдата (это были мои брат и сестра, которые не сразу

признали в нем отца). Посадив детей себе на колени, отец ласково гладил их головы, а по щекам его текли слезы...

И тут словно током его ударило: он не увидел своей самой младшенькой, которой всего-то было четыре годика.

– А где же Лидочка?! – с тревогой воскликнул он, боясь услышать еще одну страшную весть.

Но бабушка его успокоила:

– Не волнуйся, Юра, она у тети, сейчас ее приведут.

Родные потом смущенно вспоминали:

– Тебя подвели к отцу и сказали: это, малышка, твой папа. Обними его... А ты настороженно смотрела и никак не хотела назвать его папой.

Всю ночь отец не сомкнул глаз – все вспоминал и вспоминал пережитое, любимую жену, как они были счастливы вместе... А чуть забрезжил рассвет – попрощался с родителями, поцеловал спящих малышей и с тяжелым вздохом и горькими мыслями о судьбе своих детей шагнул за порог родного дома в неизвестность. Что его ждало там, на фронте? Вернется ли он домой живым и невредимым? Когда кончится эта проклятая война?

...Отец дошел до самого Берлина. Каждый раз, отправляясь на боевое задание, он просил Бога оставить его в живых ради сирот. И Бог был к нему милостив: сапер Николаев, не раз находясь в опасности, выходил с поля боя невредимым, в то время как его товарищи подрывались на минах.

Однажды подразделению, в котором воевал отец, дали задание разминировать большой мост, по которому должны были пройти наши танки. Все пятнадцать саперов погибли, а Георгия Николаева взрывной волной выбросило в реку, и это его спасло. Уцепившись за огромную корягу, он смог выбраться на берег, где его подобрала однополчане.

А вот в самом конце войны Фортуна едва не изменила отцу: он был на краю от гибели, получив сильное ранение. Так что потом его еще долго «латали» в госпитале...

Отгремела война. Пришла долгожданная Победа, но лишь в середине 1946 года солдат Георгий Николаев возвратился домой. На его шрамы по всему телу – отметины жестокой войны – нельзя было смотреть без чувства острой боли.

За боевые заслуги, доблесть и отвагу, проявленные в тяжких сражениях с немецко-фашистскими захватчиками, отец был награжден орденами Отечественной войны первой и второй степеней и медалями.

Я горжусь своим отцом и буду помнить его до конца своих дней. Он прожил трудную жизнь, но всегда, в любых обстоятельствах, оставался глубоко порядочным, справедливым и добрым человеком. После войны он еще много

лет работал в своем родном колхозе «Заветы Ильича», высоко неся честь Солдата Великой Отечественной, Патриота, Труженика.

Иван Шапошников

РУССКИЕ ВОЛКИ

Степан последнее время жил предчувствием беды и покидал свой дом неохотно и с большой тревогой. Но ехать в город на базар за новой лошастью надо было, потому что старая была совсем уже плоха. С соседом по хутору Василием они выехали на рассвете, надеясь вернуться до темноты. Как-то особо трогательно поцеловав жену и дочку он отправился в путь. У Василя подрастал сын. И они уже оба мечтали об объединении семей. Дорога прошла в разговорах о войне, которая пришла и в их края в виде механизированных немецких колонн,двигающихся на восток и персонально их как бы и не тревожащих. На базаре почти ни кого и не было, а пара кляч, предлагавшихся на продажу, годны были разве что на колбасу, а не для работы. В пивнушку не заходили, ибо не было повода ... А взяли одну бутылку с собой на всякий случай. Василёва лошадка домчала их домой в хутор достаточно быстро. Собаки не лаяли, почувствовав недоброе они влетели молнией в свои дворы.

От увиденного можно было сойти с ума сразу. Жены и дети лежали вместе убитыми, вся живность и съестные припасы были забраны, собаки застрелены... Оба начали истошно выть и проклинать фашистов, в Степане проснулась жажда мгновенной мести и достав с чердака двустволку и патроны он куда-то засобирался. Но был остановлен вылитым на него Василием ведром колодезной воды. Придя в себя, он стал слушать речь Василия, на удивление спокойную и деловую. Сначала они похоронили домочадцев в наскоро сколоченных гробах. Прочитали молитву, найденную Василием у верующей жены в святом уголке. Потом Василий смог убедить, что даже вдвоем они мстители ни какие. Другое дело – партизанский отряд, местоположение которого он примерно знает. Поэтому выкуриваем по сигарке и идем в лес с ружьём, чтобы при встрече с немцами было оправдание. Так и сделали... Зайдя уже довольно далеко и не найдя партизан решили выпить остатки водки и перекусить. Долгий путь по лесу и алкоголь сморили друзей и они заснули...

Разбудил их хрипловатый голос бородача с автоматом, который спросил выпались ли они и скомандовал встать и идти вперед, с руками на затылке. Пару километров по чаще и вот он – лагерь партизан. Потом землянка с тусклым светом лампы из крупнокалиберной гильзы, больше дымящей, чем

светящей. Они стоят перед столом, за которым сидели двое. Низкорослый со скрипучим голосом, комиссар отряда, широкоплечий здоровяк командир. Вопросы посыпались градом: Кто такие? Комсомольцы? Служба в армии? Владение оружием? И ещё много других... Не все ответы удовлетворили начальников отряда. Командир подвел итог, сказав, что таких как вы, горящих жаждой мести в отряде уже шестеро. Ждем ещё пополнения. Ваши близкие пали от рук неизвестного фашистского отряда и отыскать этих отморожков сейчас никак невозможно, поэтому пару дней ждем и учимся военному делу... И действительно скоро с соседнего хутора пришли Яков и Николай, которые чудом спаслись сами, но членов семей потеряли... Потом ещё пара городских мужиков, о своих бедах не говоривших. Чуть позже проболтавшихся, что их детей убили во время облавы.

И вот их в землянке уже 10 человек. Речь командира сводилась к следующему: «Все вы жаждете мести. Штаб партизанского движения края решил дать вам возможность реализовать ваше желание и создать из вас отряд мстителей под условным названием «Русские волки» для физического истребления живой силы противника. Вы будете нападать на казармы и другие места проживания фашистов и убивать, убивать, убивать ... Первая цель уже известна – это бывший пионерлагерь завода имени Сталина около деревни Мелководье, в котором разместились солдаты то ли с веточками, то ли цветками в петлицах, видимо егеря... Они приехали по наши души, их надо перебить пока они не занялись отрядом. Степан и его друг Василий будут за старших и сегодня с провожатым уходят на осмотр места. А завтра боевое крещение! Остальным учится стрелять на полигоне...»

Пару слов добавил комиссар: «Немцы будут смотреть вам в лицо, будут и совсем мальчишки, их будет жалко! Но, помните! Из них вырастут матерые звери – фашисты! Никакой жалости – смерть! И вот вам ещё рисунки, нарисованные на плотной бумаге в страшном оскале волчьи головы с надписью «Русские волки». Оставляйте на заметных местах после каждой удачной операции».

Когда начало темнеть Степан и Василий отправились в путь с проводником, который только ему знакомыми тропками вывел их к казарме. Уже было темно, сквозь открытые окна слышно было как фашисты готовились ко сну о чем-то оживленно разговаривая и даже смеясь. Вдали по просеке километрах в двух было заметно какое-то строение со светящимися окнами, там же был слышен гул мотора большой машины. Часовые обходили казарму в разных направлениях и встречались недалеко от крыльца ежечасно. Окружена была казарма одним рядом колючей проволоки. В принципе больше смотреть было не на что. Пошли в лагерь. Там их в землянке ждали те же лица. Начал

командир: «План такой... С вами пойдут два снайпера с винтовками с глушителями, а четверым вашим мы дадим очень острые ножницы по металлу для разрезания колючей проволоки. Проход делаете заранее... После чего снайпера снимают часовых, Степан и Василий, забегайте вовнутрь и бросаете по пару гранат направо и налево. Кроме автоматов каждому из вас дается по два пистолета «ТТ» и по пять обойм к ним, из них вы и будете добивать фашистов выстрелами в упор, в лоб или в сердце, третьим с вами в казарме будет Гена-малыш, который пролезет по-быстрому под кроватями, чтобы уничтожить хитрецов, что могут там спрятаться. Пока он зачищает территорию, вы вскрываете оружейку и забираете оттуда пулеметы, «Фауст-патроны» и другое оружие, представляющие ценность для отряда». Степан предложил ещё накрыть и штаб, который находился дальше по просеке. За что удосужился сурового взгляда и категорического «нет, занимайтесь своим делом. А теперь отдых и этой ночью на выполнение задания...» То ли на счастье, то ли нет ночью ярко светила луна. Всё шло по плану в оружейке нашли непонятный аппарат с баком и трубкой и забрали его с собой. Когда начали обратный бег, услышали гул машины, двигавшейся от штаба к казарме, а потом сильный взрыв и тишина. «Да молодцы братья, – подумал Степан, – ловко придумали». Но тревожила его минутная слабость, когда он чуть не пожалел молодого совсем юного немца, сидящего на кровати и оглушенного взрывом. Но увидев, что приближается Василий и, вспомнив слова комиссара, нажал на курок и тот откинулся с пробитой головой на пол. Ну, вот и отряд, поздравление командира с боевым крещением, накрытый стол с картошкой, салом и самогоном и приятный приказ «спать», ибо скоро новое срочное дело. Степана разбудил сам командир и велел вместе уже с проснувшимся Василем и проводником идти осматривать новый объект – клуб в Сосновке, в котором разместились видимо ненадолго солдаты в черной форме – похоже, что СС. Поэтому сейчас осмотр, а ночью часа в два налет. Осмотр огорчил друзей... От стен клуба до начала леса метров сто открытой местности. А на клубе прожектор, который освещает вход в него.

Командир успокоил: «Возьмете быстротой и неожиданностью, внутрь пойдете вчетвером с Яковом и Николаем, но без Гены – те же четыре гранаты и та же быстрота и безжалостность. Их офицеры недалеко в деревне, с ними поводыри с овчарками, на все про все минут десять и не забудьте взять у нашего травника Тимофеича мешочки с отравой для собак, после которой они теряют нюх на сутки...»

Подошли к клубу как и планировали в два ночи, самый сон... Выстрелы снайперов, падение часовых, снятые сапоги и бешенный бег: Степан и Василий впереди, Яков и Василий за ними. Пробежали уже пол пути и вдруг «трррр» –

из-за угла клуба очередь в конец группы. Яков и Николай упали... Василий хотел остановиться, но Степан толкнул его в спину с криком – вперед! Повезло – дверь в клуб не заперта, сразу две гранаты, через секунды ещё две – крики, стоны, вопли. Вбежали внутрь – четыре кровати на сцене – туда, вдруг начальство. На трех сидят фашисты обхватив головы – хлоп, хлоп, хлоп – уже лежат, за занавесом дрожал ещё один – хлоп – больше не дрожит. Василий по правой стороне, я по левой стреляем, двигаемся к выходу, во дворе стрельба – не обращаем внимания. Ну, вот и всё! Домой! Четверо несут Якова, четверо Николая, наперебой рассказывают, что после того как вы начали работать внутри клуба, двое поползли за лежащими на поляне... Из-за клуба началась стрельба, но стрелявший не учел, что по нему будут палить четыре ствола сразу... Через минуту он замолчал навсегда. Якова и Николая перевязали и решили нести в отряд. Послышался лай собак, бросили мешочки с травой и бежать, бежать, бежать. Вот и отряд. Врач, осмотрев парней, опустил голову – он бессилён. Через пару часов ребят уже схоронили. Символический залп незаряженными автоматами. Сто грамм за упокой, краткий доклад командиру и отдых...

Выспавшиеся и отдохнувшие бойцы поредевшего отряда пили чай у костра, когда к командиру пришел посыльный, судя по одетому на нём пятнистому комбинезону не из простых. Пробыл у командира около получаса и в обратный путь. А вот и командир подсел к костру. Помолчал пару минут, хлебнул чаю и сказал: «Степан и Василий, на ночь разведывать новый объект. И следующей ночью нападаем. Объект далеко, в ста километрах отсюда. На ж/д станцию Белояровка прибыл эшелон с 20 танками, видимо для отправки на фронт. Экипажи и комсостав будут жить в спортзале поселка в ожидании отправки. Наверно не долго. Поэтому на все про все двое суток. Спортзал не на окраине а внутри поселка, по которому ночью ходят патрули. До входа в лес от входа в спортзал метров пятьсот. Ну, посмотрите и подумаем вместе. Сначала лесами идете до Белояровки, а там в машине старосты, нашего человека проедете мимо объекта. Староста постарается чтобы в ночь атаки в патруле были местные полицаи, которых он постарается напоить». И вот из окна машины видно здание – два ряда колючей проволоки, большие окна в мелкой решетке, двое видимых часовых... Даа трудновато будет... Да и немцев много, минимум сотня... Дорога домой, задумчивость командира. «Во избежание неприятностей староста пойдет с вами он будет ждать вас на опушке у валуна и потом уйдете в отряд вместе, семью он уже отправил подальше. Во внутрь заходите всем отрядом. Из наружного прикрытия лишь снайпера, ещё даю четверых, что с автоматами будут ждать на входе в лес. Вы с собой берете только пистолеты и гранаты. Чтобы патруль при встрече ничего

не заподозрил. Четверо входят с центральных дверей, четверо с запасного выхода. Чем быстрее управитесь, тем живее будете».

По пути от леса до спортзала их встретил патруль из трёх полицаев со стойким запахом самогона. Но увидев перед собой старосту и выслушав его объяснения, что, мол, это подмога из области, патруль побрел дальше. И вот на месте. Выстрелы снайперов и по проходу четверо к входу в спортзал. Двери открыты... Сразу пара гранат, потом ещё две. И тут Гена-малыш из второй группы докладывает: «Запасной выход заварен наглухо!» Команда Степана все сюда и ещё пара Гениных гранат подальше. Степан быстро на ходу распределяет кто где работает... И началось непрерывное бах-бах-бах... Минут через десять всё было закончено... Всем бегом в лес! На обратной дороге тот же пьяный патруль бах-бах отвоевались полицаи. Пока ни шума, ни движения в поселке. Вот и опушка... А от поселка выстрелы. Развернувшись в цепь немцы бьют наугад. Оставив четверых для прикрытия и дав им команду догонять, бегом домой. На коротких перекурах прислушивались к стрельбе. Наши ещё стреляют. Ну, вот и отряд.

Довольное лицо командира после доклада. И тревога о том, что из прикрывающих никто их не догнал. Но к вечеру пришли двое из заслона... А двоих так и не дождались. На вторые сутки командир и комиссар вышли к обеду, сияя улыбками. И сообщили, что руководство партизанским движением собирается всех участников расстрела немецких танкистов предоставить к награждению званием Герой Советского Союза. Это, как он сказал, хорошая новость. А плохая в том, что фашистам в приказном порядке запретили ночевать большими группами в одном месте. Так что акции «Русских волков» временно прекращаются и они вливаются в отряд обычным взводом.

Партизанская жизнь потекла своим чередом. Военная подготовка, единичные вылазки, засады на дорогах... Но вот на общем собрании отряда было объявлено о нападении на военный эшелон, причем не только силами нашего отряда. Выходим завтра рано утром, чтобы оборудовать стрелковые ячейки. Только стало расцветать, как, разделившись на две группы, все бойцы отряда заняли места по обе стороны железнодорожного пути. Патронов было выдано не меряно. Саперные лопаты пошли в ход. И вот места для стрельбы подготовлены по всем правилам военного дела. Послышался шум приближающегося поезда. Длинный состав, впереди которого паровоз и сзади. И как только три пассажирских вагона поравнялись с отрядом, два взрыва лишили эшелон подвижности, разорвав оба паровоза. Немцы вывалили из вагонов, пытаясь скрыться в лесу. Одни с оружием, другие без. По взаимной договоренности их подпустили на расстояние метров 15-ти и открыли шквальный огонь, никакого сопротивления они не оказывали, а побежали

обратно в вагоны. Партизаны за ними... Завязался бой внутри вагонов. Который был совсем не долгим. Потом вагоны и пассажирские, и те, что с оружием и боеприпасами, облили бензином и подожгли. Был дан сигнал на отход, но даже когда пришли в лагерь, звуки разрывов ещё слышались очень долго.

Ближе к осени, когда начали желтеть листья и из-за ночной прохлады уже нельзя было спать вне землянок, военное положение на фронте видимо изменилось не в пользу немцев. Механизированные колонны потянулись в обратную сторону на запад. Бравурные марши уже не звучали, а командиры не высывались из башен танков с сигаретой в зубах. Характер действий партизан изменился. Нападали на отставшие от колонн группы и безжалостно их уничтожали, пополняя свои запасы оружия и продовольствия. Пресекали попытки угона скота в Германию, а иногда и молодежи в рабство. Но вот однажды комиссар уехал куда-то, наверное в штаб, на двое суток. Назад вернулся с картой. Собрав всех командиров отряда, рассказал о новом задании. «Немцы хотят истребить лагерь военнопленных невдалеке от областного центра. Задача нашего отряда – воспользовавшись тем, что внимание фашистов будет отвлечено лобовой атакой на центральные ворота лагеря, с противоположной стороны сделать проход в колючей проволоке, нейтрализовать стрелков на четырех сторожевых вышках и начать открывать бараки. Осмотра места не будет, начинаем завтра рано утром». Кто-то предложил, если вышки деревянные, воспользоваться огнеметом (который взяли в пионерлагере). Другой добавил, что в его взводе есть красноармеец (из вновь прибывших), который умеет им пользоваться. Решили провести испытания после обеда. На полигоне собрался весь отряд. Увиденное было потрясением... Яркий горизонтальный столб пламени на расстоянии метров 15 сжег все на своем пути.

Едва перевалило за полночь двинулись в путь. На место прибыли во время. А вот и слышалась стрельба. Оказалось, лобовая атака была под прикрытием немецкого БТРа, недавно уведённого у врага и украшенного теперь красным знаменем. БТР открыл огонь из пушки по рядом стоящему караульному помещению. А сам двигался на центральные ворота. Отвлечённые боем охранники на вышках не сразу заметили, что их вышки горят. И, прекратив стрельбу, начали прыгать в руки партизан, где их ждала короткая расправа. Вскрыли первые бараки. Из них выбегали худые люди в обтрепанной армейской одежде. Те, кто мог двигаться, находили оружие и помогали истреблять охрану... Бой длился около часа. Потом пленных распределили по отрядам и отправились в обратный путь. Узники лагеря вскоре были откормлены до боевого состояния и стали полноправными членами отряда. С

их приходом отряд увеличился почти вдвое и превратился в грозную боевую единицу. Но повоевать самостоятельно ему не удалось ни разу. Уже буквально через неделю началась процедура добровольного вступления в Советскую Армию. Хотя партизаны призывного на то время возраста оставляли служить по закону. Те, кто постарше, могли остаться и уйти домой. Пройти собеседование у особистов удалось не всем – трое бывших военнопленных таки уехали с ними куда-то. Служба в регулярной армии конечно сильно отличалась от вольной партизанской жизни. Василий сразу же попал в другую часть и больше за жизнь они ни разу не виделись. Несмотря на большой боевой опыт, Степану очень трудно было привыкнуть подниматься в атаку на встречу свистящим пулям. Но привык... Вторым сильным испытанием были ухоженные немецкие хутора и деревеньки. Ох, как ему хотелось во время поста в них вырезать какую-нибудь семью под корень. Но он переборол себя и в этот раз. Дальше была битва за Берлин, в которой ему повезло остаться в живых несмотря на то, что их часть была в самом пекле кровавой мясорубки. Потом победа. Возвращение домой в родной колхоз. Учеба в сельхоз институте. Работа агрономом. Новая жена, дети, обычная мирная жизнь. О Василии он так ничего и не узнал.

На этом можно было бы и закончить повествование... Но где-то в 60 годах, отдыхая всей семьей в Болгарии на море, Степан познакомился с немцем Куртом из ГДР не понятной профессии, который имел доступ к военным архивам. Ему Степан рассказал о случае на хуторе и попросил узнать, кто же расстрелял его семью. Через три месяца пришло письмо на русском языке, в котором Курт сообщал, что конкретно узнать фамилии бандитов не удалось. Но доподлинно известно что группа солдат и младших офицеров, находившейся в тех краях стрелковой части вермахта, были расстреляны перед строем за мародерство. Он ещё заметил, что это редчайший случай за всю войну. Степана после этой новости совесть не мучила ни секунду. Наоборот, он достал тогда из коробки с орденами золотую Звезду Героя нацепил её и минут пять красовался с ней в пиджаке на голое тело перед зеркалом.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

<i>Елена Адинцова</i> ОСВОБОДИТЕЛЯМ ДОНБАССА	3
<i>Алевин</i> ЗЕМНОЙ ПОКЛОН!	5
<i>Николай Антипов</i> ОПЯТЬ В НАШИ ОКНА БЕДА ПОСТУЧАЛА	5
<i>Любовь Белоус</i>	6
<i>Валентина Белоусова</i> ПАМЯТЬ О ТОЙ ВОЙНЕ...	7
<i>Анна Богатырёва</i> СПАСИБО ЗА ПОБЕДУ, ВЕТЕРАН!	8
<i>Наталья Вингливскт</i> СМОТРИ, СЫНОК...	9
<i>Виктор Воропаев</i> ВСТРЕЧАЙ МЕНЯ, ДОНБАСС!	12
<i>Елена Гаврилястая</i> А НА РАССВЕТЕ СНОВА В БОЙ...	12
<i>Татьяна Голикова</i> ТИШИНА	13
<i>Виталий Горобцов</i> СЫН ПОЛКА	14
<i>Анатолий Гравченко</i> ФРОНТОВАЯ БАЙКА	20
<i>Анна Грищенко</i> НЕПРОЧИТАННОЕ ПИСЬМО	22
<i>Мария Евсеева</i> ДОНЕЦКАЯ ЗЕМЛЯ	23
<i>Василий Епихин</i> ПОЛУЧЕН ПРИКАЗ	24
<i>Валентина Ермоленко</i> ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ ДОНБАССА	25
<i>Александр Ефременко</i> ПОМНИТЕ, ПОТОМКИ, О ВОЙНЕ	26
<i>Елена Киселева</i> ПИСЬМО СОЛДАТА	27
<i>Оксана Кожемяка</i> СЕСТРИЧКА	27
<i>Виктория Колесник</i> ПОДВИГ РАЗВЕДЧИКОВ	29
<i>Раиса Котельва</i> У ВЕЧНОГО ОГНЯ	30
<i>Сергей Кравцов</i> ЛЕТО 41-ГО	31
<i>Арусяк Лащенко</i> НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ	31
<i>Изабелла Лебедик</i> ВОЙНА	32
<i>Людмила Логоша-Дубограй</i> ВЫПУСКНИКАМ 1941 ГОДА	33
<i>Людмила Логоша-Дубограй</i> СЁСТРЫ. 1941 ГОД	34
<i>Игорь Лысый</i> ПОСЛУШАЙ ВЕТРЫ НАД САУР-МОГИЛОЙ	35
<i>Юрий Мартыненко</i> ИСПОВЕДЬ ВЕТЕРАНА	36
<i>Виктор Миронцев</i> УЗЕЛКИ НА ПАМЯТЬ ДЛЯ ПОТОМКОВ	37
<i>Раиса Мирошниченко</i> БЕССМЕРТЕН ПОДВИГ ТВОЙ, СОЛДАТ	38
<i>Майя Моргун</i> 75-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ ДОНБАССА	39
<i>Елена Морозова</i> В МАКЕЕВКЕ, В ТЕНИСТОМ СТАРОМ ПАРКЕ	39
<i>Елена Морозова</i> КОГДА ВОЙНА ПРИШЛА НА НАШУ ЗЕМЛЮ	40
<i>Иван Нечипорук</i> УЛ. СОВЕТСКАЯ	41
<i>Людмила Пастушок</i> ДНЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ ДОНБАССА	42

<i>Людмила Пефтиева</i> ПРОЩАЙ, СОЛДАТ!	42
<i>Георгий Руцинский</i> НА КУРГАНЕ (САУР-МОГИЛЕ)	43
<i>Виктория Семибратская</i> КАК В СТАЛИНО РАССТРЕЛЯН ГИТЛЕР БЫЛ	44
<i>Виктория Семибратская</i> ОПЯТЬ СЕНТЯБРЬ РАЗУКРАСИЛ ЗЕМЛЮ .	45
<i>Светлана Сергиенко</i>	46
<i>Светлана Симонова</i> ШАХТЁРСКАЯ ДИВИЗИЯ	47
<i>Людмила Соколова-Цинкевич</i> А НА ВОЙНЕ НЕ ТОЛЬКО НАГРАЖДАЛИ...	48
<i>Людмила Струлович</i> В ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ ДОНБАССА	53
<i>Валентина Сыромятникова</i> У ВОЙНЫ НЕ ЖЕНСКОЕ ЛИЦО	54
<i>Ольга Табола</i> ВОЙНА	55
<i>Лариса Фетисова</i> КО ДНЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ ДОНБАССА	57
<i>Марина Шевченко</i> ПАМЯТЬ РАДИ БУДУЩЕГО	57
<i>Галина Шумакова</i> ДОНБАССУ	59

ПРОЗА

<i>Фёдор Березин</i> ЭВАКУАЦИОННЫЙ ЭШЕЛОН	60
<i>Илья Богатиков</i> ВАЛЬКА СЫЧЕВ С УЛИЦЫ ПОЧТОВОЙ	63
<i>Анна Матвеевко</i> НАДЕНЬКА	68
<i>Татьяна Маховицкая</i> ТАНКИСТ СТОЛЯРОВ И ДРУГИЕ	72
<i>Юлия Рангу</i> НАШ ГОРОД, НАШИ ГЕРОИ, НАША ИСТОРИЯ	76
<i>Любовь Руденко</i> ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ	80
<i>Лидия Федорова</i> А СТЕПНЯЯ ТРАВА ПАХНЕТ ГОРЕЧЬЮ...	82
<i>Иван Шапошников</i> РУССКИЕ ВОЛКИ	85